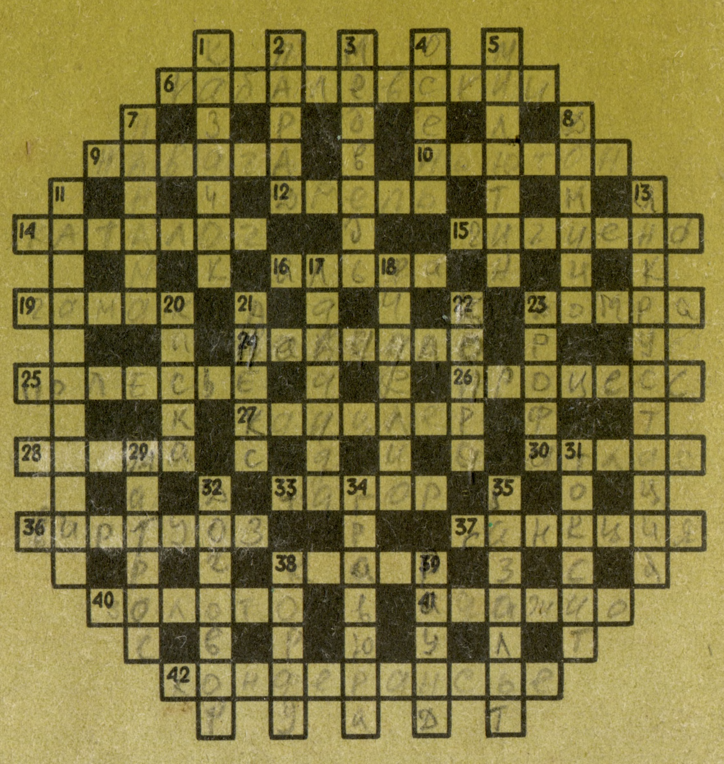
Цена 15 коп. Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Советский композитор. 9. Промысловая рыба. 10. Единица силы. 12. Машина для сверления отверстий. 14. Перечень каких-либо предметов, составленный в определенном порядке. 15. Область медицины, изучающая влияние условий жизни и труда на здоровье человека и разрабатывающая меры профилактики заболеваний. 16. Буква греческого алфавита. 19. Подвесная сетка для лежания. 23. Древнерусский музыкальный инструмент. 24. Сладкая масса из плодов, сваренных с сахаром. 25. Низменная лесистая местность. 26. Развитие какого-нибудь явления. 27. Премьер-министр в некоторых странах. 28. Внешнее очертание предмета. 30. Гладкая блестящая ткань. 33. Индийский писатель-гуманист и общественный деятель. 36. Человек, достигший в работе высшей степени мастерства. 37. Разрешение. 38. Строительный камень. 40. Благородный металл. 41. Медленный танец в классическом балете. 42. Артист эстрады, ведущий концерт.

По вертикали: 1. Русский народный танец. 2. Торжественный смотр войск. 3. Пьеса-шутка А. Чехова. 4. Время года. 5. Советский композитор, автор оперетты «Трембита». 7. Государство в Центральной Америке. 8. Настольная игра. 11. Раздел зоологии, изучающий моллюсков. 13. Украшения, врезанные в изделия из иного материала. 17. Кустарник с пахучими голубыми цветками. 18. Опера Л. Бетховена. 20. Защитный головной убор. 21. Точка небесной сферы, к которой движется Солнце относительно звезд. 22. Высушенная питательная ткань кокосового ореха. 23. Крупная степная птица. 29. Член судового экипажа. 31. Ядовитое вещество биологического происхождения. 32. Соглашение о взаимных обязательствах. 34. Изображение, полученное путем оттиска с клише. 35. Вулканическая горная порода. 38. Остров в Ионическом море. 39. Период в поединке боксеров.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 923-67-65.

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

7•88 Общественно-политический ежемесячник

СНОВА В ЧЕСТИ ПОИСК ИСТИНЫ, ПРАВДА...

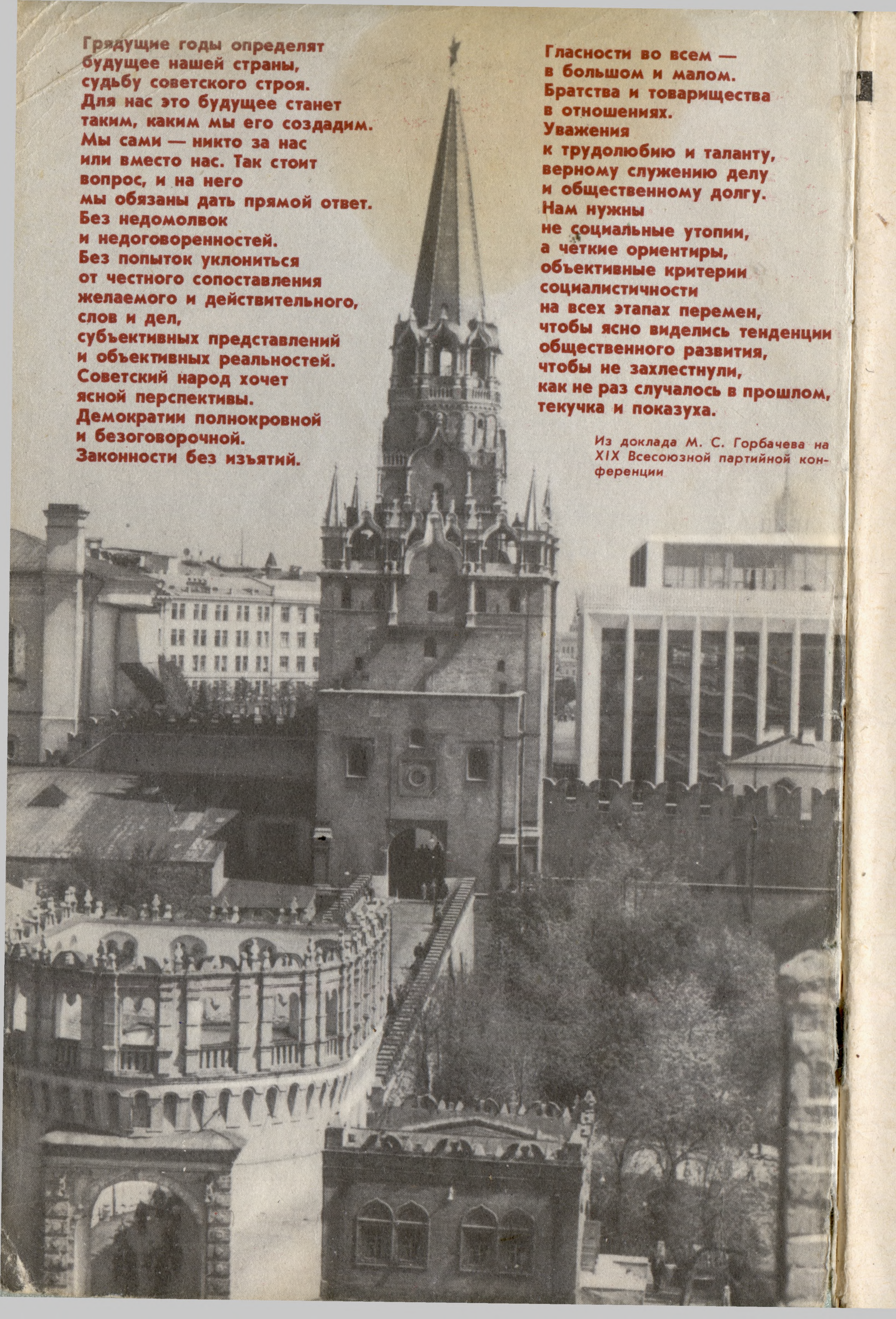
В Москве завершила работу XIX Всесоюзная партийная конференция. Она собралась на переломном этапе перестройки, чтобы дать ответ на вопросы, имеющие жизненно важное значение для партии и страны...

Леонид ЛИХОДЕЕВ
КАК ПРОХОДИЛА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ:
чтобы узнать это, необязательно обращаться к прошлому

Варлам ШАЛАМОВ
«КОМБЕДЫ»
Бутырка, год 37-й...

Владимир ВОЙНА
„АХ, ВЕРНИСАЖ!“
или Где начинается культура?

Шод МУЛАДЖАНОВ
КОНФЛИКТ В ЗЕРКАЛЕ КОНФЛИКТОВ

7 (452) **88** **ГОРИЗОНТ**

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 25.05.88. Подписано к печати 23.06.88. Л52077. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально-рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 5,04. Уч.-изд. л. 5,26. Тираж 100 000 экз. Заказ 3801. Цена 15 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий. 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8. Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302030800—093 / М172(03)—88 74—88

СОДЕРЖАНИЕ

Шод МУЛАДЖАНОВ

КОНФЛИКТЫ В ЗЕРКАЛЕ... КОНФЛИКТОВ

«Жизнь меняется на глазах»,— говорим мы, имея в виду, как правило, что-то такое приятное и полезное. Однако позитивный характер происходящих вокруг перемен стал постепенно той аксиомой, которая заслонила собой реальное многообразие трансформаций, перевоплощений, трудно различаемых процессов в социальных группах, в душах отдельных граждан.

Вступление это понадобилось не для того, чтобы заявить о желании объять необъятное. Задача моих заметок совсем иная. Хочется немного поразмышлять над тем, как изменяются сегодня, сейчас не только «стиль и методы», «подходы и формы», но и то, что существует вечно и всюду,— конфликты.

О чем три-четыре года назад норовил читатель сообщить в газету? О поломанных унитазах и хамстве приемщиц в химчистке, о скопившемся во дворе мусоре и пьянстве соседа по коммуналке. А если выйти на некий более высокий уровень столкновений, то из почты вспомнятся большей частью «крики оскорбленных душ». Люди жаловались на незаконное увольнение, на «зажиленную» начальством премию, а в области житейской — на бездействие тогдашних жэков, волокиту в той или иной системе сложного городского хозяйства.

Отнюдь не хочу сказать, что ныне подобные жалобы кончились. Их тоже немало. Но месяц за месяцем нарастает поток совсем иных посланий, наполненных иными помыслами и переживаниями. Безусловно, эта тенденция прямо отражает перемены как в природе возникающих конфликтов, так и в оценке людьми подобных ситуаций, а потому...

48 подписей под гневным требованием оставить в покое избранного коллективом ректора вуза. Примерно столько же авторов у петиции, цель которой — освободить предприятие от директора, прошедшего процедуру выборов обманным путем и оказавшегося просто потерявшим работу родственником кого-то из министерских чинов. «Надоело гнать второсортную продукцию»,— вопль души обувных дел мастера с фабрики «Восток». «Считаем необходимым изменить всю систему оценки и оплаты нашего труда»,— коллективно излагают свои мысли горнопроходчики, а в своем главмосинжстроевском подразделении устраивают дискуссию с приглашением экономистов, юристов и журналистов. «Демократия только потеряет от того, что результаты выборов наверху будут утверждаться не глядя. Своего кандидата пытались протащить любители вольницы и мастера выпивки»,— рассказывает рабочий с завода «Макет». «Цеха столкнулись в интересах, и нет теперь единства в коллективе. А извне ни помощи, ни совета не дождались»,— сетуют печатники одной из московских типографий.

Конфликты разные — и тем не менее в чем-то неуловимо схожие в общей картине нынешних социальных процессов. В чем же? Где тот единый корень, от которого произрастают и многочисленные коллизии вокруг выборов руководителей, и усиливающаяся требовательность рядовых людей к результатам собственного труда, к условиям и эффективности работы, к атмосфере в собственном коллективе?

Проще всего было бы констатировать благотворное влияние идей перестройки, беспрецедентного на памяти живущих поколений расширения гласности, резких формулировок, содержащихся в партийных документах,— они перестали успокаивать, превратившись в побуждение к действию. Но только сам механизм этого влияния у нас, увы, не изучен. Социологи, психологи, философы занимались самыми разными проблемами, но, кажется, так и не добрались до глобального, однако базирующегося на конкретных сведениях и оценках осмысления того, как в условиях нашего общества, нашей общественно-политической системы формируется и изменяется фон общественного мнения, как реагируют наиболее крупные и представительные слои общества (а его однородность давно существует разве что на бумаге) на акции, решения, призывы руководства партии и государства.

Посыл этот по форме теоретический, но по сути для любого работника идеологического фронта наполнен практическим содержанием. Мы не знаем, как именно подействует на массовую аудиторию тот или иной призыв, мы не ведаем, какова мера «духоподъемности» документов и публикаций прессы и где та черта, за которой начинаются раздражающие людей фанфаронство и занудство.

Когда общество всерьез и толково говорит о режиме экономии, об угрожающем распространении алкоголизма, об экологических катастрофах — это процесс конструктивный, ведущий к росту сознательности граждан. Но вот факты и выводы, обличения и лозунги начинают повторяться, причем часто, и вызывают уже оскомину, ведут к зарождению цинизма и двоедушия, которые мы почему-то стали относить к прошлым, то ли застойным, то ли застольным временам. А сейчас-то с показухой, лицемерием, цинизмом — покончено? Разве не на этих ядах настояна отрава сотен и сотен конфликтов, сотрясающих ныне большие и малые коллективы в промышленной, научной, культурной сферах нашего города?

«Вот вы упомянули о положительном опыте нашего предприятия в решении социальных вопросов. А известно ли вам, что скрывается, скажем, за рапортами о введении на заводе многосменки? На нашем токарном участке во вторую смену иногда трудится всего о д и н р а б о ч и й, причем даже без мастера. Ниже всякой критики и санитарных норм состояние рабочих мест. Негде отдохнуть и даже помыться после смены. А директор твердит про грядущие дела — сооружение сауны, комнаты психологической разгрузки, дает эти сведения в МГСПС, в печать. Коллектив негодует, но что толку-то!» Письмо это получено от токаря металлообрабатывающего завода имени Н. А. Семашко Н. Н. Балагурова. Оно в чем-то похоже на подобные письма прежних лет. Но и в самом обращении, и, как потом выяснилось, в настроениях коллектива есть сугубо современная тональность: рабочие не стали сводить все к личным качествам директора, к обману как такову. Речь ведется о явлении, о «бумажной перестройке», в которую вовлекаются запущенные предприятия сверху. От их руководства требуют отчетов о «решенных вопросах» и «улучшенных условиях», но при этом, ни в чем не помогая коллективам, лишают их волевым путем той

части прибыли, которая могла бы стать финансовой базой реальных перемен к лучшему.

Министерство — главк — предприятие, министерство — НПО — институт, главк — трест — управление — эти и многие другие цепочки подчинения, взаимозависимости фигурируют ныне во множестве конфликтов, отражая реальные процессы экономической реформы. Людям усиленно внушают: вы отвечаете за дело, вы самостоятельны, рычаги финансирования и стимулирования в руках коллектива. Принимайте, товарищи, решения! А потом начинают насыщать образовавшийся, с точки зрения воспитанного на старых традициях управленца, вакуум инструкциями, обязательными показателями, замаскированными метастазами усеченной было опухоли отчетности. И это будоражит, возмущает людей, которым все труднее понять смысл существования целого ряда промежуточных административно-командных инстанций. Нахлебников по сути, поскольку хозрасчет ясно показал, что кормят управленцев производственники. И не фигурально, а совершенно тривиально, отчисляя в их фонд лакомые куски собственноручно заработанной прибыли.

Все страсти, все споры натыкаются, увы, на прозу жизни. На обязательные госзаказы, от которых предприятию никуда не деться, коль хочет оно получать сырье и технику из фондов. На вынужденные дотации, без которых многим производствам не протянуть и полгода. На существующую систему подготовки и распределения кадров. А главное — на объективно необходимую, хотя с годами и извращенную до неузнаваемости, плановую систему ведения социалистического хозяйства. Есть система — должно быть и ядро. Иначе «броуновское движение частиц» придет в экономику как предвестник полной анархии.

Возможны и совсем иные рассуждения. Возможен выход на иной уровень обобщений, на иной, скажем, классовый срез конфликтов, сотрясающих сегодня и производственную и социальную сферу. Ведь противоречия между интересами управленцев, которым подлинный научно-технический прогресс и интенсификация экономики ничего хорошего (в смысле сохранения нынешних твердых окладов, не зависящих от истинных результатов труда) не сулят, и интересами производственников, истинных производителей материальных ценностей (сюда же надо включить и значительную часть работников науки, сферы обслуживания), для которых прогресс и интенсификация, замешенные на хозрасчете, что глоток воздуха,— очевидны. И поскольку противоречия эти касаются и социального статуса, и прямой взаимозависимости задействованных сил, конфликт поражает все более глубокие недра общественных процессов. Грядущее размежевание начинается уже в вузе. Пойдет ли, к примеру, выпускник экономического факультета МГУ на завод! Вряд ли. Его растят с четким прицелом на сферу управления. Зато вуз технологического профиля пять лет внушает будущему инженеру: структура подчиненности свята, а ты лишь винтик в ней, думай о своем участке...

И они идут по распределению с такими вот психологическими установками. Но люди-то разные. И те, кто не потерял на вузовской скамье способность думать смело и видеть происходящее без шор, приходят к убеждению, что действовать по прежним канонам нельзя, недопустимо, опасно для будущего. И тогда предлагают собственные решения, свои подходы, становятся лидерами нового типа. А «вышестоящие», как, впрочем, и многие из «рядом» и «нижестоящих», опасливо озираются: не грозят ли эти парни устоям, не порушат ли они

покой и неуязвимость «экономическую власть предержащих»! Подобные ситуации встречались мне и на производстве, и в научных учреждениях, и в строительной индустрии, и на транспорте. Упоминание фамилий и названий ничего не изменит в главном: созрела почва, появились людские ресурсы, необходимые для этих животворных конфликтов.

А поскольку в целом ряде случаев прогрессивная сторона в них одерживает верх — и об этом говорят с газетных полос, телеэкрана,— то число готовых к бою руководителей или, скажем, лидеров новой формации растет месяц от месяца.

Но вряд ли возможен даже самый искренний и чистый порыв без той накипи, которую мы видим сегодня вокруг деятельности истинных проводников перестройки. Особенно пышным цветом распустилась демагогия. Как совсем еще недавно на бесконечных заседаниях призывали к экономному использованию рабочего времени; как исписывали километры бумаг, ратуя за сокращение отчетности; принимали волевые решения по борьбе с командными методами руководства, так и сегодня некоторые думают вести перестройку по старому рецепту: «показуха, замешенная на словоблудии и разбавленная самокритикой в безопасных дозах».

О подобных случаях рассказывали мне в Тимирязевском райкоме партии, Москворецком райисполкоме, во многих отделах Московского горкома партии. Да и редакционная почта тоже нет-нет да подкинет изящный факт. Вот, к примеру, телеграмма: приглашаем, мол, на открытое партсобрание в больницу. Хотим обсудить вопрос о выборах руководства. Интересно! Наверное. Собираюсь в путь. И выясняется, что собрание намечено с совсем иной повесткой, а приглашение и «вопрос для обсуждения» рождены усилиями одного из молодых врачей. С энтузиазмом занялся он расклеиванием собственноручно написанных объявлений на территории больницы, обзвонил райком и редакции. Кое-кого пригласил телеграммами. Может, человек решил за дело побороться, косность коллектива преодолеть, гласности в масштабах стоящих перед здравоохранением задач добиться!

На поверку — демагогия. Выявилась она разочаровывающе быстро и просто. Обижен доктор Уфимцев на главврача — перевели его за ошибки на менее удобную и нижеоплачиваемую должность. А он не согласен. Прикинул: обычным способом ничего не докажешь. Тогда — «поговорим о демократии», «назначим» свою повестку дня партийного собрания (кстати, сам-то Уфимцев не коммунист).

Ему предоставили слово. Но ничего толкового участники собрания так и не услышали, кроме пустых общеизвестных фраз и общих лозунгов. А потом коммунисты дали демагогу урок деловитости, поведя дискуссию на собрании серьезно и откровенно по действительно насущным, значимым для коллектива, для дела проблемам.

Звонок из ВНИИбиотехники: один из сотрудников, дабы привлечь внимание к поднимаемым вопросам, объявил голодовку. Одно из предприятий Тушинского района: на собрании коммунист заявил, что выйдет из партии, если заработок не стабилизируется (переход на самофинансирование застал предприятие врасплох, и первые месяцы прошли для него на грани банкротства). В типографии рабочие отказались выполнять задания, сочтя несправедливыми измененные нормы и тарифы (потом, правда, выяснилось, что они просто не вполне поняли новую систему оплаты труда).

Ситуации разные, но в каждом случае шло бурное обсуждение тех

или иных поступков, бесконечно сводились счеты и выяснялись мнения, порой на уровне пресловутой «коммунальной кухни», и — неоднократно звучали слова «демократизация», «гласность», «реформа». У подобных конфликтов обнаружилось опасное свойство: словесная пелена заслоняет существо дела и интересы как коллективов, так и самих участников словопрений.

Призывы начать перестройку с себя, похоже, приелись и стали одной из проходных фраз. Не потому, естественно, что потеряна актуальность задачи. Просто человеку всерьез не верится, что он может изменить что-то в своей жизни. Вот если все вокруг станут меняться, рассуждает «среднестатистический потребитель продукции средств массовой информации», то и я не отстану, перестроюсь в духе времени. И как же доказать ему, что этот самый «дух времени» диктует иной порядок событий: начинать должен каждый, ломая стереотипы и в себе, и в окружающем мире. Не бездумно, но смело и решительно.

Многие ли решаются ломать! Примеры мелькают на газетных полосах, но, судя по повторяемости фамилий и адресов, не так уж они часты. И в первую очередь, на мой взгляд, скудость эта вызвана колоссальной инертностью сложившейся идеологической машины, которая не столько подвигает рядового читателя, слушателя и т. д. на резкий шаг вперед, сколько настораживает, напрягает. Она слишком легко и быстро меняет лозунги, призывы, слишком бесконфликтно переходит от одной системы взглядов, оценок, перспективных линий к другой. Сегодня все накинулись на экономию ресурсов, завтра самым главным делом оказалась борьба с пьянством, потом вышло на первый план экономическое мышление, а назавтра выяснилось, что ничего не сдвинется с места без должной организации социалистического соревнования. Все важно, все серьезно. Но ведь всякий раз задача дня именуется главнейшей и стратегической, а не «одной из». И пропадает острота реакции. И видится каждому зрячему, что никто всерьез не успевает воспринять новое веяние, довести начатое дело до конца, всё ограничивается лишь бумажными фейерверками. Бюрократический подход проникает в плоть идеологического воздействия на людей — и становятся пустыми фразами суждения о патриотизме, сознательности, ответственности за происходящее вокруг.

Отсюда — прямой путь к еще одному типу конфликтов, прямо связанных с идейным противостоянием различных социальных групп. Вам приходилось когда-нибудь присутствовать на открытой дискуссии лидеров так называемых неформальных объединений с партийными работниками! Всякий, кому довелось наблюдать подобные громкоголосые споры, мог обратить внимание на самоуверенность и нежелание найти общий язык с обеих сторон. Свойства личностей тех, кто по той или иной причине сознательно идет на конфронтацию в рядах неформалов, заслуживают отдельного исследования. Тут наверняка многое могут прояснить и парапсихологи, и социологи, и работники правоохранительных органов.

Но что же идеологи с дипломами партийных школ и академий, где их сила и таланты, где их готовность к контакту и честной полемике! Эти качества долгие годы не прививались в стенах соответствующих учреждений по той простой причине, что кто-то когда-то объявил правду всепобеждающей силой, которая все равно одержит верх над силами лжи. Но во-первых, правда не меньше религии нуждается в умных и образованных проводниках. А во-вторых, нам ведь не все равно, когда именно она одержит верх. И приблизить это время можно лишь в открытом и доказательном опровержении неверных, политически вредных представлений, идей, философских систем.

В вузе высмеяли парня за увлечение «дурацкими» идеями кришнаитства. А он после комсомольского собрания поведал всем желающим основы учения, о котором ходит немало слухов, но которое у нас малоизвестно. В общем, эффект «атеистической акции» был печальным: в секту попали еще несколько студентов — однокашников экс-комсомольца.

Так частный конфликт перерос в проблему воспитательного и достаточно широкого свойства. И процесс этого перерастания еще раз показал, сколь велики сегодняшние требования к идейно-воспитательной работе, как изменили ситуацию происходящие ныне в обществе, в системе формирования молодых умов перемены как объективного, так и субъективного характера.

А мы всё надеемся порой на изначальную силу «правильных взглядов», на безусловное воздействие «положительных примеров». Но так ли уж значителен перевес этих примеров над массой негативных! Школу сотрясают конфликты глобальных масштабов: учителя втравливают ребят в междоусобные перепалки, в гонения на педагогов-новаторов. Ветераны педагогики зачастую не желают видеть перемен в уровне знаний, психике новой поросли и пытаются добиться понимания, дисциплины на уроках почти на уровне «розг». Таким образом, заряженность на пассивность и двоедушие, как и готовность доказывать убеждения, идти ради них на конфликт закладываются в школе, вузе. То есть в той самой системе образования, которая по решению февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС должна подвергнуться коренной, революционной, по сути, реконструкции.

Стало быть, речь идет о том, что зависимость характера самой картины, исхода конфликтных ситуаций от всего нашего движения вперед, от реализации задач перестройки гораздо глубже и многогранней, чем может показаться на первый взгляд. Многих ныне тревожит волна скандалов, конфликтов не только в производственных и научных, но и в творческих учебных коллективах. Модно, говорят иные, ссориться — вот и нет конца всем этим склокам. Но мы еще и еще раз должны представить себе, словно на рентгеновском снимке, происходящие в обществе процессы. Идет деформация не хрящей и суставов, но важнейших систем сложнейшего общественного организма. Она касается и его экономического хребта, и идеологического мозга, и социально-кровеносной системы. Болезненные процессы! А разве возможен иной путь! Врачи подтвердят: сглаживание, затушевывание проявлений недуга без устранения его глубинных причин ведет не к выздоровлению, а к превращению болезни в хроническую. Аналогии, может, и далекие, но суть подтверждена жизнью многократно.

Еще раз повторим, что нет смысла опровергать утверждение Козьмы Пруткова и пытаться объять необъятное. Как бесконечно разнообразны формы созидательного воздействия перестройки на умы и поступки людей, так многолики возникающие под воздействием экономической реформы, демократизации конфликтные ситуации. В статье — лишь продиктованная временем и общественной атмосферой попытка увидеть их в зеркале... самих конфликтов. А это ведь тоже конфликтный вариант...

Леонид ЛИХОДЕЕВ

КАК ПРОХОДИЛА КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ?

● ИЗ БЛОКНОТА ПИСАТЕЛЯ ●

Об этом написано множество книг.

Книги эти — лживые и правдивые, тусклые и яркие, мерзкие и благородные — стараются воспроизвести, нарисовать, представить сегодняшнему человеку то, что произошло задолго до его, сегодняшнего человека, появления на свет.

А между тем сегодняшний человек может, если захочет, найти ответ на этот вопрос в обыкновенном общении с обыкновенным своим телевизором, который втыкает машинально, привычно, поскольку жизни без телевизора уже нельзя себе даже и вообразить.

Итак — как проходила коллективизация?

На экране нестарый человек с крепким лицом, загоревшим на некурортном солнце. Он одет в клетчатую рубашку, руки его тяжелы и умелы. На столе перед ним — листки, исписанные цифрами. На столе перед ним несколько журналов или книжек с названиями скучными и специальными. Видно по всему, что стол — не письменный, что комната, в которой он сидит перед телекамерой,— не кабинет и что вообще человек этот не умеет и не уважает пустые разговоры. Но телекамеру он уважает. Он уважает телекамеру вовсе не из-за того, что она его прославит на всю страну. Он уважает телекамеру потому, что она покажет и расскажет, как его семья может сделать работу половины колхоза, если ей, семье этой, не мешать. Как семья эта растит целое стадо крупного рогатого скота. Как семья эта сдает продукты по себестоимости, в три раза меньшей, чем та, которая сложилась в колхозах и совхозах. Она, семья эта, нашла давно выброшенный и списанный трактор, перебрала его, дала ему жизнь; как семья эта проникла на бросовую землю и накосила сена, построила самодельный «электропастух», как семья эта встает ни свет ни заря, чтобы действовать, копать, копнить, кормить, пахать, делать прививки, читать научные книжки и журналы, считать, соображать, прикидывать реальные планы и перспективы своего хозяйства, своей фермы, своего участка сельскохозяйственного производства.

Вот чего он хочет, человек в клетчатой рубашке, от телекамеры. Он хочет общения деловых, работящих, самостоятельных людей.

Человек этот не читал сочинений Чаянова, он не слыхал о знаменитой в свое время ереси Бухарина — «обогащайтесь», но своим трудом, своим пониманием жизни он подтверждает великую истину Чаянова: «Крестьянская семья — это прежде всего самостоятельная социально-экономическая ячейка, семейное трудовое предприятие, живущее по своим законам, отличающимся от законов капиталистического предприятия. Крестьянской трудовой семье свойственны иные мотивы хозяйственной деятельности и даже иное понимание выгодности». Она работает на свой риск и на свою совесть.

Человек этот, в клетчатой рубашке, может быть, не знает, что за такие мысли профессор Чаянов был расстрелян. А может быть, уже и знает — ведь средства информации в наши дни не дремлют.

Человек этот, в клетчатой рубашке, может быть, уже знает и о бухаринской ереси. Но никто лучше него, человека в клетчатой рубашке, не понимает, что лозунг «обогащайтесь» касается не кошелька, а трудовых рук.

Разумеется, режиссер и оператор с удовольствием крутят свою камеру. Они показывают человека в клетчатой рубахе и всю его семью на работе. Они показывают его бычков — сытых, чистых, как намыленных. Они показывают его самодельный трактор, собранный черт знает из чего, из какого утиля, маленький экономичный трактор, до выпуска которого еще не доросла пораженная гигантоманией промышленность великой индустриальной державы. Они показывают «электропастуха», действующего от динамки, крутимой движком самодельного трактора. И еще они показывают выкладки этого человека в клетчатой рубахе, и из тех выкладок выходит, что при всех диких, нелепых расходах времени, средств, энергии и мысли — себестоимость продукции хозяйства этого человека в клетчатой рубахе все-таки в три раза ниже, чем в колхозах и совхозах.

Но я начал с вопроса — как произошла коллективизация? Режиссер с оператором дают ответ на этот вопрос. Они показывают соседей человека в клетчатой рубахе. И соседи эти горят одним вопросом:

— А сколько он заработает?

Они показывают сытых, как коты, районных чиновников, которые горят тем же вопросом:

— А сколько он заработает?

Они показывают респектабельных холеных московских бюрократов:

— А сколько он заработает?

— А сколько он заработает? — спрашивает развращенный многолетними подачками (где бы ни работать — лишь бы не работать) всесоюзный обыватель.

— Что ж он — будет жить лучше меня? — спрашивает сосед.

— Что ж он — нарушит все наши планы? — спрашивает районный чиновник.

— Что ж он — возродит капитализм? — спрашивает московский бюрократ.

А у человека в клетчатой рубахе один ответ — тихий, малодоказательный, не оснащенный никакой демагогией:

— Работайте. Вставайте пораньше, ложитесь попозже. Думайте. Считайте. Читайте научную литературу.

Но на этот ответ катится, как пустая бочка, громыхающий сверхответ:

— Пораньше? А охрана труда — великое завоевание социализма?

— Думайте? А единое монолитное сплочение вокруг демократического централизма?

— Читайте? А повышение культурного уровня путем отдыха при хоккейных телепередачах?

Так как же она все-таки произошла — коллективизация?

А так и произошла.

Когда девять человек следят за тем, чтобы десятый не заработал больше их; когда девяносто человек считают свою безынициативность достижением социализма; когда девятьсот человек, объединенных в беднядкие комитеты, говорят о классовой борьбе, еле сводя концы с концами; когда девять тысяч видят свое бедственное положение в том, что развивается сосед; когда девяносто тысяч сравнивают бурьян на своих наделах с культурными всходами; когда девятьсот тысяч подбадриваемых, поощряемых, агитируемых, направляемых теорией разрастания классовой борьбы начинают искренне верить, что справный хозяин живет их потом и кровью; когда девять миллионов горят неотложной заботой уничтожить кулака как класс — тогда девяносто миллионов сгоняют с земли десять миллионов и половину их уничтожают, не щадя ни детей, ни стариков, ни хозяйство, ни землю и скот, ни хлеб, ни орудия производства.

Вот как получилась коллективизация.

Никакая власть не в состоянии создать голода. Она может только организовать его. А создавать будут сотни, тысячи, миллионы замороченных мечтами несчастных людей, натравленных, науськанных, напущенных на таких же, как они сами, крестьян, которые получили, как они сами, землю от Советской власти, которые начали, как они сами, с нуля, но которые в течение трех-четырех лет показали, что значит свободный крестьянин на свободной земле.

Не надо так уж особенно напирать на то, что коллективизацию сделали сверху. Сверху только свистнули. Сверху только прислали пролетариев и матросов с наганами и маузерами. Сверху только сочинили гениальные теории нарастания классовой борьбы. А снизу все было готово.

Потому что грамотному, цивилизованному сельскохозяйственному производству нужно всего десять человек на сто и один миллион на десять миллионов. Таков закон развития цивилизованного общества. Таковы законы кооперации. Таков закон природы. И он, закон этот, мстит беспощадно людям, отступившим от него, как бы они, люди эти, ни махали своими теориями и маузерами.

Олег МИХЕЕВ

МОЖНО ЛИ ВРАГА СДЕЛАТЬ СОЮЗНИКОМ?

В третьем номере нашего ежемесячника мы рассказали о том, как обстоит дело в Москве с проблемой удаления и утилизации твердых бытовых отходов. Худо-бедно, но она как-то решается. У этих отходов есть хозяин — Главмосдоруправление, поэтому есть и с кого спросить за очистку города от бытового мусора.

Но вот еще одна проблема, куда более острая. Отходы промышленные. Их образуется не 2,7 миллиона тонн, как бытовых, а 5,7—6 миллионов тонн в год. В области же их объем в 10 раз больше. Отходы эти бесхозные: ни в Москве, ни в области нет организации, отвечающей за их удаление, переработку и использование. Наконец, осложняет дело то, что долгое время ни городской, ни областной исполкомы практически не занимались этой проблемой — все было отдано на откуп самим предприятиям. А те, в свою очередь, справедливо полагали, что если каждому из них создавать свои утилизационные мощности или полигоны, то никакой земли в городе и области не хватит.

Но может быть, ничего тревожного пока нет?

Это не так. Как любой вопрос, решение которого пускается на самотек, он чрезвычайно обострился. Да, в Москве немногим больше половины промотходов перерабатывается (в области лишь четверть), но из неутилизируемых отходов городских предприятий три четверти вывозится на свалки и полигоны. В основном это отходы стройиндустрии — зола и шлаки, горелая формовочная земля, которые сравнительно просто можно превратить во вторичные материальные ресурсы. Для этого не требуется привлекать ученых и конструкторов — разработки уже есть, да и средства для утилизации нужны минимальные. Но даже эти «сливки» вторичных ресурсов никто до сих пор не пытался снять.

Оставшаяся четверть неутилизируемых промотходов столицы, а это более полумиллиона тонн, скапливается на территории предприятий, уходит в канализацию, а то и просто вывозится на «стихийные» свалки. Это как раз то, что должно беспокоить нас больше всего. Почти все собирающиеся на предприятиях отходы — ртутьсодержащие, гальванические и фторорганические осадки, отходы нефтепродуктов, легковоспламеняющихся и смазочно-охлаждающих жидкостей, кубовые остатки от хлорсодержащих растворителей и т. д.— токсичны и вредны для человека.

Положение с промышленными отходами несколько изменилось к лучшему только в последние годы. Город наконец осознал, что необходима комплексная система вывоза, переработки, обезвреживания и

утилизации промотходов; что нужен единый орган для управления этой системой и именно он должен координировать и финансировать работы по созданию технологий для переработки отходов, строить мощные полигоны и производства для обезвреживания токсичной их части.

Не буду вдаваться в детали, скажу только главное. Составлена схема очистки Москвы от промышленных отходов на период до 2000 года. Ее разработал Научно-исследовательский и проектный институт генплана г. Москвы. Свой вклад в создание схемы внесли также специалисты Института генпланов Мособлисполкома, Академии коммунального хозяйства имени К. Д. Памфилова, Института минералогии, геохимии и кристаллохимии редких элементов, ВНИИ ресурсосбережения, Мосводоканалниипроекта, Госниихлорпроекта и МГУ.

Что ставили целью авторы схемы?

Вернуть промышленности еще около 1 миллиона тонн вторичного сырья — из того, что сегодня идет на свалки и сравнительно легко поддается утилизации. Построить специальные полигоны и производства для обезвреживания и переработки токсичных отходов. Создать специализированное подразделение для сбора, транспортировки и утилизации промотходов (предполагается в системе Главмосдоруправления). Аналогичная схема составляется и для области. А обе они, наряду с планом очистки города и области от твердых бытовых отходов, станут основой комплексной схемы очистки Москвы и Подмосковья от всех видов отходов до 2010 года, которую предполагается завершить к концу пятилетки.

Таким образом, предстоит большая и дорогостоящая работа по очищению природы всего столичного региона от вредных и ядовитых загрязнений и возвращению в народнохозяйственный оборот того, что можно использовать вновь.

Думаю, москвичам будет интересно узнать более подробно, как обстоит дело с токсичными отходами и как предполагается решать эту проблему. Одно — обычная бесхозяйственность, благословляющая выбрасывание на свалки миллионов тонн того, что добрые хозяева давно и с умом используют. Свыклись мы со многими потерями, мирились до сих пор и с этими. Но совсем другое — «тихое», ежедневное, систематическое во всевозрастающих объемах отравление среды собственного обитания.

Поговорим о ртути. Это без преувеличения враг номер один. Средневековые алхимики нарекли в свое время необычайно подвижный жидкий металл меркурием, памятуя о проворстве олимпийского бога, на сандалиях которого были прикреплены крылышки. Сегодня ртуть и ее окислы, несмотря на высокую стоимость, приходится применять в промышленности и быту, например в люминесцентных и дугоразрядных лампах, электробатарейках. Ртуть в этих изделиях имеет чемпионский индекс токсичности.

Вы не задумывались, куда отправляются отработанные лампы и батарейки? По предписаниям Минздрава СССР ртутьсодержащие отходы полагается аккуратно, не разбивая, собирать, помещать в наглухо закрытые стальные контейнеры и захоранивать на специальных полигонах далеко от жилья в бетонированных траншеях. Но, как мы уже говорили, ни в Москве, ни в других местах не доходили до этого руки. Пожалуй, ни один город в стране, кроме Ленинграда, не располагает таким полигоном. Так что пока отслужившие свое люминесцентные лампы, как и батарейки, идут прямиком на свалки. Что толку от запретов и штрафов, если у предприятий, на которых скапливаются сотни тысяч этих ламп, нет иной возможности от них избавиться?

Рано или поздно ртуть из разбитых ламп на свалках вымывается грунтовыми водами, попадает в реки и водоемы, в воду, которую мы пьем. Кроме того, микроорганизмы перерабатывают ее в метилртуть и диметилртуть, которые могут усваиваться водорослями, рыбой, а также растениями, политыми такой водой. Губительный яд капля за каплей просачивается в окружающую среду, подкрадывается к человеку. Сильнейшие отравления и даже смерть людей по этой причине распознаются не сразу. В организме ртуть вызывает различные нарушения: от болезней почек и печени до изменения наследственного кода и психических расстройств. Все это, кстати, не раз сообщалось в печати, но проходило мимо внимания ответственных лиц.

Каковы масштабы этой опасности? В стране ежегодно идет в отходы около 200 миллионов штук люминесцентных и дугоразрядных ламп, содержащих ртуть. Московская область выбрасывает каждый год 5 миллионов, город — более 10 миллионов штук. В каждой лампе содержится ртути от 80 до 120 миллиграммов. Легко подсчитать: тонны ртути попадают на свалки только в Подмосковье. А ведь предельно допустимая ее концентрация в одном кубометре воздуха — всего 0,0003 миллиграмма.

В безобидных на первый взгляд гальванических элементах — электрических батарейках — содержание ртути еще выше: в каждой в среднем до 300 миллиграммов. В батарейках для электронных часов счет ее идет уже на граммы, она составляет до половины массы батареек. В целом по стране около миллиарда штук ртутьсодержащих гальванических элементов ежегодно попадает на свалки, а это десятки тонн ртути. Только москвичи и жители Подмосковья выбрасывают каждый год более 50 миллионов штук батареек.

Третий после отработанных ртутных ламп и батареек враг, исподтишка подтачивающий здоровье природы и человека,— это шламы и осадки сточных вод гальванических производств. В пересчете на сухое вещество только в Москве накапливается ежегодно, по одним данным, около 3,5 тысячи тонн гальванических шламов, по другим — на порядок больше. Разнобой в цифрах говорит о слабой изученности этого третьего врага. Если мы даже не знаем точно его количества, что же говорить о познаниях наших в отношении его обезвреживания, а тем более — применения с пользой?

Между тем слово «враг» все же правильнее писать в кавычках. Ведь это мы сами наживаем себе врагов, выбрасывая на свалки токсичные отходы, тогда как путем нейтрализации можно обратить их в союзников, то есть получить из них ценные компоненты. Так, например, в проблемной лаборатории термических процессов ВНИИ ресурсосбережения (институт расположен в Мытищах) уже лет десять назад создали технологию и оборудование для демеркуризации (удаления ртути) из отработанных ламп дневного освещения. В установках лампы дробятся, стеклобой нагревается до 500° С, ртуть при этом переходит в парообразное состояние, и в конденсационной системе ее пары улавливаются из технологического газа. Из стеклобоя извлекаются концентраты цветных металлов, после чего он может идти на изготовление стеклогранулята, керамических изделий, производство стекла или в дорожное строительство. При переработке каждой тысячи ламп возвращается в производство кроме ртутного концентрата еще и алюминия 1,68 килограмма, вольфрама — 0,24, медно-никелевого концентрата — 0,88, медно-

цинкового — 3,52, свинцово-оловянного — 0,52, свинцового — 9,92 и натриевого стекла — 380 килограммов. Концентраты эти соответствуют ГОСТам на вторсырье и вполне пригодны для использования на заводах вторичной металлургии и стройиндустрии.

— Мы разработали технологию и проекты типовой установки,— говорит заведующий лабораторией А. И. Пустильник.— Первая установка мощностью 60 тысяч ламп в год была смонтирована в Лиепае, на галантерейном комбинате, восемь лет назад. Вторая (100 тысяч ламп) действует с 1985 года на Чебоксарском заводе промышленных тракторов. Третья такой же мощности заработала недавно в городе Чайковском (Пермская область). Вскоре должна вступить в строй четвертая установка по утилизации уже 3,5 миллиона ламп в год на Ереванском электроламповом заводе объединения «Луйс». К сожалению, до сих пор нет ни одной демеркуризационной установки в Москве.

— Неужели причина только в косности, непонимании остроты проблемы?

— Что касается руководителей городских служб — видимо, да,— отвечает А. И. Пустильник.— Взять, к примеру, бывших руководителей ГлавАПУ Москвы и Московской области. Ведь наотрез отказывались даже рассматривать вопрос о выделении территорий под строительство демеркуризационных установок. Мотивировали они это тем, что для подобных объектов требуется значительная санитарная зона. Так, на словах заботясь об охране природы, благословляли ее отравление. Ну а если отцы города смотрели на это сквозь пальцы, то руководители предприятий-потребителей — тем более. Я уже не говорю о том, что два союзных министерства — Минэлектротехпром и Минцветмет, хозяева ламп и ртути, которым поручалось организовать выпуск оборудования, сбор и переработку использованных ламп, в неспешных препирательствах похоронили все попытки сдвинуть дело с места.

Два этих министерства разместились в одном высотном здании в центре столицы. Несколько лет шла переписка между разными его этажами. Ходили бумаги туда-сюда под аккомпанемент тихого звона коварных ламп на городских свалках, не достигающего, увы, ушей чиновников. А ведь десятка разбитых ламп дневного освещения хватило бы для того, чтобы сделать вредным для дыхания воздух в обоих учреждениях...

Нынешнее руководство исполкома Моссовета взялось наконец за эту проблему. В конце января принято решение о создании цеха демеркуризации отработанных люминесцентных ламп. Первая его очередь вступит в строй в декабре 1990 года и будет перерабатывать 3,5 миллиона ламп, вслед за ней предполагается ввести и вторую очередь аналогичной мощности. Дело это поручено НПО «Радон» Главмосдоруправления, оно будет проектировать, финансировать и строить цех при участии авторов технологии и оборудования — термистов из ВНИИ ресурсосбережения. Решено, что первые две 3,5-миллионные установки смонтируют в помещениях того самого завода по переработке твердых бытовых отходов в Коровине, который был закрыт осенью прошлого года и о котором рассказал наш ежемесячник в мартовском номере.

Кстати, для «Радона», судя по всему, новое дело окажется весьма прибыльным. Ведь наверняка городские предприятия предпочтут сдавать ему отработанные лампы: им проще заплатить, скажем, полтинник за утилизацию каждой из них, нежели ежедневно рисковать штрафом,

«нелегально» вывозя их на свалки. «Радон», видимо, за несколько месяцев окупит все затраты уже на первой очереди.

Рядом с солидным объединением нашлось место и для скромного кооператива «Меркурий-87». Возглавивший его Н. А. Антонов, работник Вторцветмета, год бился за право построить установку по утилизации 500 тысяч ламп в год где-нибудь в Подмосковье. Много местных исполкомов обошел, выпрашивая разрешение и площадь в 150—200 квадратных метров. Только в последнее время хождения его, похоже, принесли какой-то результат.

Так собираются силы, чтобы обуздать основного врага и превратить его в союзника. Логично было бы, впрочем, на той же заводской площадке в Коровине организовать и переработку ртутьсодержащих гальванических элементов. Очевидно, что лучше не распылять по Москве ртутное производство и уже сейчас подумать о размещении здесь установки по утилизации батареек. Ведь все равно рано или поздно жизнь заставит заняться и этим вопросом.

За рубежом — в Австрии, ГДР, ФРГ, Швеции, Японии и других странах — давно налажен сбор у населения и переработка этих гальванических элементов для обезвреживания и извлечения цинка. Почему москвичам не по силам то, что могут делать жители Берлина, Токио, Бонна и Вены?

Те же термисты из ВНИИ ресурсосбережения создали технологию утилизации батареек, в результате чего из них удаляется ртуть, а получить можно цинковый, марганцевый концентраты и железный лом. Авторы технологии подсчитали, что полная переработка всех таких отходов (а их насчитывается около 60 тысяч тонн) может вернуть в повторное производство около 8 тысяч тонн цинка, 9 тысяч тонн марганца, 25 тысяч тонн стали. Первая опытно-промышленная установка мощностью переработки 300 тонн в год должна в скором будущем вступить в строй на одном из предприятий в Рязанской области.

Почему бы уже сейчас не продумать и в Москве систему сбора использованных батареек у населения и их транспортировки на предприятие? Да, от «Радона» это потребует значительно бо́льших хлопот. Одно дело — «оптовый» сбор опасных отходов крупными партиями от предприятий, и совсем другое — работа с населением многомиллионного города. И все же выбора нет, надо браться и за это, и чем раньше, тем лучше.

Наконец, о «враге» третьем — осадках и шламах гальванических производств. Пока о них не думают, а они тем временем сливаются в канализацию, загаживая Москву-реку. С ними теряется безвозвратно более 10% никеля, меди, цинка, хрома, а ведь все это ценные компоненты. Практически речь идет, как прикинули специалисты, о рудной базе подготовленного к разработке комплексного сырья для небольшого металлургического завода!

Для решения проблемы нет пока и научного задела. ВНИИ ресурсосбережения как-то провел исследования по этой теме, проанализировав положение на более чем 300 предприятиях города и около 40 — области. Институт накопил определенную информацию, «прощупал» перспективу и даже предложил термохимический метод утилизации шламов. Метод этот позволяет получать из них концентраты цветных металлов, пригодные для использования на заводах цветной металлургии. Но для того чтобы разработать технологию, специальное оборудование и организовать опытное производство, нужен был заказчик, готовый заплатить за эту работу. Такового долгое время не находилось

почему-то ни в системе Мосгорисполкома, ни в Госкомитете СССР по науке и технике. Между тем речь шла не о каких-то баснословных суммах. Примерно 200 тысяч рублей требуется на создание технологии и оборудования, еще 400—500 тысяч — на составление проектно-сметной документации. Для бюджета Москвы это не так много, если учесть опасность токсичных отходов.

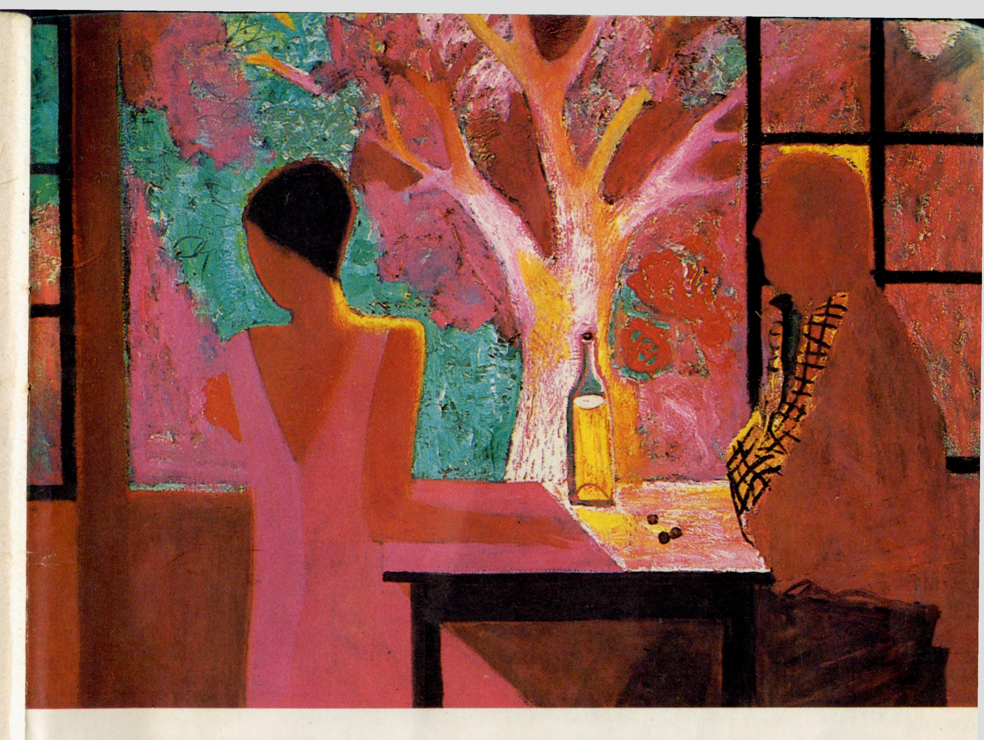
Опыт обезвреживания и утилизации гальванических шламов, надо сказать, в мире накоплен пока небольшой. Но все же он есть, его можно и нужно изучать. Важно только не стоять на месте в ожидании грозных последствий, когда будет упущено время и потребуются уже значительные средства на то, чтобы нейтрализовать экологические диверсии врага. Кое-что делают ученые в Институте неорганической химии Академии наук Литовской ССР. Там создали технологию и опытное производство, «захоранивая» шламы в некоторых изделиях стройиндустрии. Но видимо, надо искать и возможность извлекать из шламов ценные компоненты и возвращать их производству. Впрочем, последние данные говорят о том, что в Мосгорисполкоме стали проявлять интерес и к этой проблеме. Если найдется заказчик, найдутся и исполнители работ, появятся и решения.

Хочу упомянуть еще об одном виде многотоннажных городских промышленных отходов, которые, если их не обезвреживать, могут нанести природе и людям немалый ущерб. Речь идет об отходах формовочных смесей, так называемой горелой земле. Это отходы литейного производства. А в каком городе нет предприятий с литейками? Только на московских машиностроительных заводах образуется ежегодно более 1,1 миллиона тонн горелой земли. Один ЗИЛ «выдает» ее более 200 тысяч тонн. В составе же горелой земли около 90% высококачественного песка! Как необходимы городу эти массы песка для всевозможных отсыпок, строительства дорог, производства бетонных изделий! Ведь сейчас стройиндустрия Москвы завозит в огромных количествах песок с Рижского взморья, с Камы и еще бог знает откуда. Куда дешевле было бы обезвредить горелую землю и использовать ее для нужд городского строительства. Экология и тут теснейшим образом связана с экономикой.

Специалисты прогнозируют, что уже в ближайшие одно-два десятилетия неконтролируемый процесс загрязнения окрестностей крупнейших городов токсичными отходами выйдет по степени опасности для всего живого на первое место, обогнав возможные последствия радиоактивного заражения. Даже чернобыльская трагедия отступит в тень перед масштабами этой угрозы. Тут циркулем не проведешь запретную зону: ведь в центре заражения в таком случае окажется многомиллионный город. И снятием и захоронением верхнего слоя почвы дело не поправить, так как отраву будут выдавать грунтовые воды глубоко из-под земли, вымывая ее с законсервированных свалок.

Поэтому нельзя терять время. Да, составлена схема очистки города от промотходов, в том числе токсичных. Да, намечено строительство специальных полигонов и производств для их обезвреживания и переработки. Но аплодировать рано. Ведь первое решение о строительстве под Москвой этих объектов было принято, как выяснилось, еще в 1966 году! Я встретился с автором технологической части проекта этого комплекса — Н. Я. Степом, главным специалистом Госниихлорпроекта.

— С тех самых пор я и занимаюсь этим делом,— рассказывал мне

На даче. *1983*

Пора любви. *1987*

ИВАН ЛУБЕННИКОВ

Натюрморт с проходящей за окном женщиной. *1982*

Домино. *1986*

Натан Яковлевич.— Время от времени вопрос этот всплывал, кто-то о нем вспоминал, происходил очередной бюрократический раунд обмена посланиями. Последний раз, в 1985 и 1986 годах, директивные органы уже строго-настрого наказали Мосгорисполкому и заинтересованным ведомствам утрясти наконец все вопросы и построить первую очередь комплекса для обезвреживания токсичных промотходов не позднее 1990 года.

— Что же, сдвинулось дело?

— Увы, все еще нет. Этот проект — моя «лебединая песня» объемом тридцать томов. Он был одобрен на расширенном заседании секций научно-технических советов ГКНТ СССР, Мосгорисполкома, институтов Союзводоканалпроект Госстроя СССР и моего родного Госнихлорпроекта Минхимпрома. Проект делался на основе ТЭО, которое было утверждено всеми инстанциями. Но экспертная комиссия ГКНТ СССР вдруг нашла его недоработанным. Естественно, Госплан не смог согласовать титульный список стройки.

— Может быть, веские причины побудили комиссию к такому решению?

— Я не буду говорить о своем мнении. Сошлюсь на письмо председателя Мосгорисполкома товарища В. Т. Сайкина в правительственную комиссию по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов. В этом письме говорится, что экспертиза была проведена крайне формально, без учета реального положения дел с обезвреживанием и захоронением токсичных отходов в городе и области.

Остается надеяться, что бюрократические препоны будут все-таки преодолены и Москва сможет наконец получить комплекс для обезвреживания токсичных промышленных отходов. Но что же происходит тогда в других крупных промышленных центрах, если даже в столице этот вопрос заморозили на десятилетия?

Камнем преткновения стало то, что никто в стране не разрабатывает и не изготовляет оборудования для установок термического обезвреживания твердых, жидких и пастообразных отходов. У нас просто нет научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, которые занимались бы этой проблемой. Видимо, Госплан СССР должен поручить либо Минхиммашу, либо Минтяжмашу, либо еще кому-то разработку и изготовление комплектного оборудования с привлечением других министерств. Страны СЭВ не меньше нас заинтересованы в решении этой проблемы. Поэтому следует, на мой взгляд, рассмотреть возможность создания агрегата для сжигания токсичных промотходов по кооперации с ними.

Так трудно дается каждый шаг к очищению наших городов от ядовитых «пасынков» промышленного прогресса. И все же альтернативы нет. Необходимо объединить усилия ученых, конструкторов, производственников для того, чтобы превратить их из врагов в наших союзников. Важно только не впадать в панику от их нынешней угрозы, а, засучив рукава и не теряя понапрасну время, взяться за дело.

ЦЕНЫ: ХВАТИТ ЛИ НАШЕЙ ЗАРПЛАТЫ?

Все ведомства и подведомственные им предприятия, организации и учреждения возжаждали рентабельности и прибыли. Что ж, дело хорошее. Однако есть одно очень существенное «но»: некоторые из них стали удовлетворять это, казалось бы, похвальное желание за чужой счет. Вместо того чтобы искать пути снижения издержек производства, навсегда распрощаться с бесхозяйственностью и безответственностью, они двинулись на потребителя с... протянутой рукой. Удручающее зрелище, не правда ли? А любые попытки пресечь попрошайничество оказываются напрасными, ибо стараниями экономистов под данного рода действия подложена солидная теоретическая база. За практиками в данном случае дело тоже не стало.

Итак, речь идет о ценах. На одежду, предметы домашнего обихода, продукты питания, услуги. Нынче прилично одетый человек обходится самому себе ой как дорого: хочешь купить жене сапожки на меху (да не на натуральном, нет, на искусственном), выложи ¾ зарплаты, да при этом еще потеряй целый день в очереди и будь безмерно счастлив, что достал и избавился от одной из тяжких проблем. Мужские туфли модной модели, хорошего качества, которые еще недавно стоили 35—40 рублей, теперь обходятся намного дороже и отнимают значительную часть заработной платы. В этот невеселый перечень можно включить и пальто, и костюмы, и юбки, и брюки, и платья... Короче, все, что мы носим на себе и без чего обойтись, к сожалению, ну никак не можем.

Трудно понять логику ценообразования, как ни старайся. Мы вот все размышляли, как же так может получаться, что одинаково 40 рублей стоят и модная кожаная сумка, и примитивные летние босоножки о двух узеньких ремешках. Ну ладно, подорожала кожа, но ведь на сумку-то ее идет во много раз больше, чем на две кожаные полосочки. Неужели вся тяжесть цены падает на каблучок и пластиковую подошву?

Постоянно растут и без того головокружительные цены на импортные товары (в то время как ассортимент их стремительно приближается к нулю). Многого, конечно, простой обыватель понять не может в силу элементарной своей неосведомленности, но прессу-то мы читаем, передачи по телевидению смотрим, а потому какое-то представление о таможних ценах имеем. И можем сравнить...

Ладно, за морем телушка — полушка, да рупь — перевоз. А наша родимая телушка почему так старательно тянется ценой за импортной? По какой такой причине? А по простой, в один голос твердят нам и теоретики и практики,— уж больно дорого обходится нашему отечественному производству изготовление этих товаров, а чтобы компенсировать расходы и получить хоть какую-нибудь прибыль, оно не находит иного выхода, как обратиться к нашему с вами кошельку.

Подорожали очень многие виды услуг, а оправданно ли?

Поднялись цены на услуги почтовой службы (отправка посылок, бандеролей, перевод денег), столичной фирмы «Заря» и др. Ударилась в хозрасчет за чужой счет и такая печальная служба, как кладбищенская. Это учреждение «вечного покоя» стало брать арендную плату за хранение пепла в нише. По сравнению с колумбарными покойниками лежащие на Новодевичьем и Ваганьковском явно в выигрыше — у них могилы оплачены навечно.

Московское бюро обмена жилых помещений тоже нынче скорее самообогащается, чем самофинансируется. За осуществление обмена квартиры оно сдирает с каждого клиента по 130 рублей. Видите ли, за подбор вариантов! Зато прежде, когда плата была божеской, инспекторы этим не занимались. И уж совсем удивительно, почему надо взимать по 65 рублей с каждого клиента при родственном обмене, ведь родственники сами выбирают себе нужный вариант.

Вызвались помочь теоретики и медицине. Они согласны обеспечить нам минимум здоровья бесплатно, за большее надо платить. Еще можно согласиться, если речь идет об оплате дополнительных больнично-бытовых услуг, но покупать в больнице «услугу» квалифицированного врача-консультанта (пусть даже с высокой ученой степенью), как предлагает, например, академик А. Г. Аганбегян — это уж слишком!.. Разве должны в социалистической стране существовать разные прейскуранты на здоровье для высоко- и, скажем, среднеоплачиваемых категорий населения? Тем более что охрана здоровья гарантируется Конституцией. Как же ее выполнять, если многие миллионы людей, чей заработок, прямо скажем, не слишком велик, не смогут воспользоваться помощью высококвалифицированного врача? Это похоже не на социальное равенство, а на какой-то рынок: получаешь много — лечись и излечивайся, живешь от зарплаты до зарплаты — ну и латай свое здоровье кое-как.

Да, ценообразовательная фантазия наших теоретиков ширится, и на все вопросы всегда находится у них «убедительный» ответ. Не вернулись же к старым ценам на хлеб, хотя новые сорта черствеют, плесневеют, теряют вкусовые качества быстрее прежних. Не вернулись и к старым ценам на картофель. Как говорится, что с воза упало, то пропало.

Додумался кто-то повысить цены на идеологический «хлеб» — журналы, газеты, книги. Хочешь повышать свой идейно-теоретический уровень — плати. И теперь трижды подумаешь, прежде чем выписать тот или иной журнал. Говорят, дорого нынче стоит бумага — вот в чем причина. А сколько срубленного леса у нас гниет, пропадает! А сколько тысяч тонн бумаги, деревянных ящиков мы постоянно сжигаем или несем на помойку!

Немало в последнее время было сказано и написано нашими учеными о ценах на мясо, молоко, масло и иные продукты питания, которые нам продают дешевле, чем они обходятся государству. В таком случае, мол, надо повысить на них цены, а иначе как же?.. Раскошеливаться придется, товарищи-покупатели. И опять хочется спросить: неужели только из нашей зарплаты можно возместить затраты на производство этих товаров?

В нашей семье нет экономистов. Но мы недавно видели в одной из телепередач людей, сумевших так поставить работу в своем звене, что молоко и мясо обходятся им вдвое дешевле, чем колхозу в целом. При-

мерно того же добилась одна женщина-руководитель из Магадана, о которой рассказала газета «Известия». Не кажется ли уважаемым теоретикам и практикам, что именно этим путем следует снижать издержки производства, а не искать способы конфискации нашей зарплаты?

Странно, но, говоря много о самофинансировании, полном хозрасчете, мы почему-то чаще всего умалчиваем о снижении издержек, повышении рентабельности и уменьшении цен таким образом. Говорится об обратном — росте цен. Словно иначе и быть не может. Не посеем ли мы таким образом некую экономическую и техническую лень в производстве, а энергию, изобретательность переключим на то, чтобы извлечь прибыль за счет кармана потребителя? Стоит ли искать иные пути, если легче обратиться к чужому кошельку?

Да не к чужому, нет! К нашему, общему. Ведь мы все — и производители и потребители. Чего будет стоить зарплата каждого из нас, если на нее пойдут с протянутой рукой ведомства? Да и хватит ли ее? Есть такая смешная присказка (ее, кстати, произносит герой недавно показанного по телевидению фильма «Джек Восьмеркин — американец»): «Если у человека завелась денежка, он уже не просто человек, а покупатель». Так вот, на эту самую честно заработанную денежку человек-покупатель хочет и поесть, и заплатить за квартиру, и одеться, и поехать на метро и в автобусе на работу... То есть честно ее потратить, вернуть государству. Так пусть у него всегда будет такая возможность.

Семья ЕЛИСЕЕВЫХ, Москва.

P. S. Один член нашей семьи — инженер (месячный оклад в среднем — 170 рублей), другой — художник-дизайнер (105 рублей), третий — паспортист во ВГИКе — так именуется там рабочая профессия (96 рублей). «Чистыми» выходит меньше. Теперь посчитайте, как мы будем жить, если пойдет широкое удовлетворение пожеланий всех ведомств, стоящих с протянутой к нам рукой.

В редакцию поступают письма и звонки в связи с опубликованной в пятом номере ежемесячника статьей Александра Гангнуса «Демократия духа. Заметки о мистике, религии и атеизме в эпоху перестройки».

Позиция автора вызвала самые разные, порой полярные мнения читателей. Но надо сказать, что редакция менее всего хочет, чтобы наши публикации принимались однозначно, не вызывая размышлений и споров. Тем более когда речь идет о сложных мировоззренческих проблемах, о перестройке мышления.

В будущих номерах редакция намерена продолжить разговор в рубрике «Мировоззрение» и поместить иные точки зрения на проблемы, поднятые А. Гангнусом.

Варлам ШАЛАМОВ

«КОМБЕДЫ»

ПРЕДИСЛОВИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ
И. СИРОТИНСКОЙ

Рассказ В. Т. Шаламова (1907—1982) «Комбеды» входит в его сборник «Левый берег» (1955—1965).

В основе своей рассказ автобиографичен: в январе 1937 года Шаламов был арестован и около полугода, до отправки на Колыму, провел в Бутырской тюрьме, был там старостой камеры, по мере сил пытался укрепить дух арестантов, помочь, ободрить — этому служили и «комбеды», которые он сам организовывал.

К этому времени Шаламов уже имел опыт тюрьмы и лагерного заключения: в 1929 году он, студент Московского университета, был арестован за распространение завещания В. И. Ленина — «фальшивки», как сказано было в приговоре,— и отправлен в лагеря Северного Урала, на Вишеру. Вернулся в Москву в 1932-м, работал в ведомственных журналах, писал очерки, фельетоны, статьи, начал печатать рассказы... Но наступил зловещий 1937 год. Арест. Лагерь. И до 1953 года он оставался на Колыме, лишь в ноябре 1953-го ему удалось вырваться оттуда.

В 1956 году он был реабилитирован, вернулся в Москву, получил возможность профессионально заняться литературой. Главной целью своей жизни и своего творчества он считал свидетельствование о пережитом, о тюрьмах, этапах, лагерях, через которые прошли тысячи тысяч безвинно осужденных.

Все в жизни он подчинил этой цели. И вот перед читателями скупые, точные и тем более потрясающие свидетельства о том времени. Унижение, уничтожение человека, человеческого в человеке. И тем драгоценнее крупицы человечности, не растоптанные в тюрьме и в лагере: простое сочувствие, помощь товарищу, вера в друга, память о любви... Это как ростки травы сквозь асфальт, как утверждение вечной ценности человеческой души.

В трагических страницах России тридцать седьмого и тридцать восьмого годов есть и лирические строки, написанные своеобразным почерком. В камерах Бутырской тюрьмы — огромного тюремного организма, со сложной жизнью множества корпусов, подвалов и башен,— переполненных до предела, до обмороков следственных заключенных, во всей свистопляске арестов, этапов без приговора и срока, в камерах, набитых живыми людьми, сложился любопытный обычай, традиция, державшаяся не один десяток лет.

Неустанно насаждаемая бдительность, переросшая в шпиономанию, была болезнью, охватившей всю страну. Каждой мелочи, пустяку, об-

молвке придавался зловещий тайный смысл, подлежащий истолкованию в следственных кабинетах.

Вкладом тюремного ведомства было запрещение вещевых и продовольственных передач следственным арестантам. Мудрецы юридического мира уверяли, что, оперируя двумя французскими булками, пятью яблоками и парой старых штанов, можно сообщить в тюрьму любой текст, даже кусок из «Анны Карениной».

Эти «сигналы воли» — продукт воспаленного мозга ретивых служак Учреждения — пресекались надежно. Передачи отныне могли быть только денежными, а именно — не более 50 рублей в месяц каждому арестанту. Перевод мог быть только в круглых цифрах — 10, 20, 30, 40, 50 рублей; так уберегались от возможности разработки новой азбуки сигналов цифрового порядка.

Проще всего, надежней всего было вовсе запретить передачи, но эта мера была оставлена для следователя, ведущего «дело». «В интересах следствия» он имел право запретить переводы вообще. Был тут и некоторый коммерческий интерес — магазин-лавочка Бутырской тюрьмы многократно увеличила свои обороты со времени, когда были запрещены вещевые и продовольственные передачи.

Отвергнуть всякую помощь родных и знакомых администрация почему-то не решалась, хотя была уверена, что и в этом случае никакого протеста ни внутри тюрьмы, ни вне ее, на воле, подобное действие не вызовет.

Ущемление, ограничение и без того призрачных прав следственных заключенных...

Русский человек не любит быть свидетелем на суде. По традиции в русском процессе свидетель мало отличается от обвиняемого и его прикосновенность к делу служит определенной отрицательной характеристикой на будущее. Еще хуже положение следственных заключенных. Все они — будущие «срочники», ибо считается, что «жена Цезаря не имеет пороков» и органы внутренних дел не ошибаются. Никого зря не арестуют. За арестом логически следует приговор; малый или большой срок наказания получает тот или иной следственный арестант — зависит от удачи заключенного, от «счастья» или от целого комплекса причин, куда входят и клопы, кусавшие следователя в ночь перед докладом, и голосование в американском конгрессе.

Выход из дверей следственной тюрьмы, по сути дела, один — в «черный ворон», тюремный автобус, везущий приговоренных на вокзал. На вокзале — погрузка в теплушки, медленное движение бесчисленных арестантских вагонов по железнодорожным путям, и, наконец, один из тысяч «трудовых» лагерей.

Эта обреченность накладывает свой отпечаток на поведение следственных арестантов. Беззаботность, молодчество сменяются мрачным пессимизмом, упадком духовных сил. Следственный арестант на допросах борется с призраком, призраком исполинской силы. Арестант привык иметь дело с реальностями, сейчас с ним сражается Призрак. Однако это «пламя жжет, а эта пика больно колет». Все жутко реально, кроме самого «дела». Взвинченный, подавленный своей борьбой с фантастическими видениями, пораженный их величиной, арестант теряет волю. Он подписывает все, что придумал следователь, и с этой минуты сам становится фигурой того нереального мира, с которым он боролся, становится пешкой в страшной и темной кровавой игре, разыгрываемой в следовательских кабинетах.

— Куда его повезли!

— В Лефортово. Подписывать.

Следственные знают о своей обреченности. Знают это и те люди тюрьмы, которые находятся по ту сторону решетки,— тюремная администрация. Коменданты, дежурные, часовые, конвоиры привыкли смотреть на следственных не как на будущих, а как на сущих арестантов.

Подследственный арестант спросил в 1937 году на поверке сменного дежурного караульного коменданта что-то о вводимой тогда новой конституции. Комендант резко ответил:

— Это вас не касается. Ваша конституция — это уголовный кодекс.

Следственных заключенных в лагере также ждали «перемены». В лагере всегда полно следственных, ибо получить срок вовсе не значило избавить себя от перманентного действия всех статей Уголовного кодекса. Они действовали так же, как и на воле,— только всё — доносы, наказания, допросы — было еще более обнажено, еще более грубо-фантастично.

Когда в столице были запрещены продовольственные и вещевые передачи, на тюремной «периферии» — в лагерях — был введен особый «следственный паек» — кружка воды и триста граммов хлеба на день. Карцерное положение, на которое были переведены следственные, быстро приблизило их к могиле.

Этим «следственным пайком» пытались добиться «лучшей из улик» — собственного признания подследственного, подозреваемого, обвиняемого.

В Бутырской тюрьме 1937 года разрешались денежные передачи — не более 50 рублей в месяц. На эту сумму каждый, имеющий деньги, зачисленные на его лицевой счет, мог приобрести продукты в тюремной лавочке, мог истратить четыре раза в месяц по 13 рублей — лавочки бывали раз в неделю. Если при аресте у следственного было денег больше — деньги зачислялись на его лицевой счет, но истратить он мог не более 50 рублей.

Наличных денег, конечно, не было, выдавались квитанции, и расчет велся на обороте этих квитанций — рукой продавца магазина и обязательно красными чернилами.

Для общения с начальством и поддержания товарищеской дисцип-

лины в камере с незапамятных времен существует институт камерных старост.

Администрация тюрьмы каждую неделю за день до лавочки вручает старосте на поверке грифельную доску и кусок мела. На этой доске староста должен сделать заранее расчет заказов всех покупок, которые хотят сделать арестанты камеры. Обычно лицевая сторона грифельной доски — это продукты в их общем количестве, а на обороте записано, из чьих именно заказов составились эти количества.

На этот расчет уходит обычно целый день, ведь тюремная жизнь переплетена событиями всякого рода — масштаб этих событий для всех арестантов значителен. Утром следующего дня староста и с ним один-два человека уходят в магазин за покупками. Остаток дня уходит на дележ принесенных продуктов — развешенных по «индивидуальным заказам».

В тюремном магазине был большой выбор продуктов — масло, колбаса, сыры, белые булки, папиросы, махорка...

Недельный рацион тюремного питания разработан раз навсегда. Если бы арестанты забыли день недели, они могли бы узнать его по запаху обеденного супа, по вкусу единственного блюда ужина. По понедельникам был всегда в обед гороховый суп, а в ужин каша овсяная, по вторникам — пшенный суп и перловая каша. За шесть месяцев следственного жития каждое тюремное блюдо появлялось ровно 25 раз — пища Бутырской тюрьмы всегда славилась своим разнообразием.

Тот, кто имел деньги, хотя бы эти четыре раза по 13 рублей, мог прикупить сверх тюремной баланды и «шрапнели» кое-что повкуснее, питательнее, полезнее.

Тот, кто денег не имел, никаких закупок, конечно, не мог делать. В камере всегда были люди без копейки денег — не один и не два человека. Это мог быть привезенный иногородний, арестованный где-либо на улице и «наисекретнейше». Его жена металась по всем тюрьмам, комендатурам и отделениям милиции города, тщетно пытаясь узнать «адрес» мужа. Правилом было уклонение от ответа, полное молчание всех учреждений. Жена носила посылку из тюрьмы в тюрьму — может быть, примут, значит, ее муж жив, а не примут — тревожные ночи ждали ее.

Или это был арестованный отец семейства; сразу же после ареста от него заставили отшатнуться его жену, детей, родственников. Мучая его непрерывными допросами с момента ареста, следователь пытался вынудить у него признание в том, чего он никогда не делал. В качестве меры воздействия кроме угроз и избиений арестанта лишали денег.

Родные и знакомые с полным основанием боялись ходить в тюрьму и носить передачи. Настойчивость в передачах, в поисках, в справках

влекла зачастую за собой подозрение, нежелательные и серьезные неприятности по службе и даже арест — бывали и такие случаи.

Были и другого рода безденежные арестанты. В шестьдесят восьмой камере был Ленька — подросток, лет семнадцати, родом из Тумского района Московской области — из места глухого для тридцатых годов.

Ленька — толстый, белолицый, с нездоровой кожей, давно не видевший свежего воздуха, чувствовал себя в тюрьме великолепно. Кормили его так, как в жизни не кормили. Лакомствами из лавки его угощал чуть не каждый. Курить он научился папиросы, а не махорку. Он умилялся всему — как тут интересно, какие хорошие люди,— целый мир открылся перед неграмотным парнем из Тумского района. Следственное дело свое он считал какой-то игрой, наваждением — дело его ничуть не беспокоило. Ему хотелось только, чтобы эта его тюремная следственная жизнь, где так сытно, чисто и тепло, длилась бесконечно.

Дело у него было удивительное. Это было точное повторение ситуации чеховского «злоумышленника». Ленька отвинчивал гайки от рельсов полотна железной дороги на грузила и был пойман на месте преступления и привлечен к суду как вредитель, по седьмому пункту 58-й статьи. Чеховского рассказа Ленька никогда не слышал, а доказывал следователю, как классический чеховский герой, что он не отвинчивает двух гаек сразу, что он «понимает»...

На показаниях тумского парня следователь строил какие-то необыкновенные «концепции» — самая невинная из которых грозила Леньке расстрелом. Но связать с кем-либо Леньку следствию не удавалось — и вот Ленька сидел в тюрьме второй год в ожидании, пока следствие найдет эти «связи».

Люди, у которых нет денег на лицевом счету тюрьмы, должны питаться казенным пайком без всякой добавки. Тюремный паек — скучная штука. Даже небольшое разнообразие в пище скрашивает арестантскую жизнь, делает ее как-то веселее.

Вероятно, тюремный паек (в отличие от лагерного) в калориях своих, в белках, жирах и углеводах выведен из каких-то теоретических расчетов, опытных норм. Расчеты эти опираются, вероятно, на какие-нибудь «научные» работы — трудами такого рода ученые любят заниматься. Столь же вероятно, что в Московской следственной тюрьме контроль за изготовлением пищи и доведением калорий до живого потребителя поставлен на достаточную высоту. И, вероятно, в Бутырской тюрьме «проба» отнюдь не издевательская формальность, как в лагере. Какой-нибудь старый тюремный врач, отыскивая в акте место, где ему нужно поставить свою подпись, утверждающую раздачу пищи, попросит, может быть, повара положить ему побольше чечевицы, наикалорийнейшего блюда. Врач пошутит, что вот арестанты жалуются на пищу зря,— он, доктор, и то с удовольствием съел мисочку — впрочем, врачам пробу дают в тарелках — нынешней чечевицы.

На пищу в Бутырской тюрьме никогда не жаловались. Не потому, что пища эта была хороша. Следственному арестанту не до пищи, в конце концов. И даже самое нелюбимое арестантское блюдо — вареная фасоль, которую приготовляли здесь как-то удивительно невкусно, фасоль, которая получила энергичное прозвище «блюдо с проглотом»,— даже фасоль не вызывала жалоб.

Лавочная колбаса, масло, сахар, сыр, свежие булки — были лакомствами. Каждому, конечно, было приятно съесть за чаем, не казенным кипятком с «малиновым» напитком, а настоящим чаем, заваренным в кружку из огромного ведерного чайника красной меди, чайника царских времен, чайника, из которого пили, может быть, народовольцы.

Конечно, лавочка была радостным событием в жизни камеры. Лишение лавочки было тяжелым наказанием, всегда приводящим к спорам, ссорам,— такие вещи переживаются арестантами очень тяжело. Случайный шум, услышанный коридорным, спор с дежурным комендантом — все это расценивалось как дерзость; наказанием за нее было лишение очередной лавочки.

Мечты восьмидесяти человек, размещенных на двадцати местах, шли прахом. Это было тяжелое наказание.

Для тех следственных, кто не имел денег, лишение лавочки должно было быть безразличным. Однако это было не так.

Продукты принесены, начинается вечернее чаепитие. Каждый купил, что хотел. Те же, у кого денег нет, чувствуют себя лишними на этом общем празднике. Только они не разделяют того нервного подъема, который наступает в день лавочки.

Конечно, их все угощают. Но можно выпить кружку чаю с чужим сахаром и чужим белым хлебом, выкурить чужую папиросу — одну и другую — все это вовсе не так, как «дома», как если бы он купил все это на свои собственные деньги. Безденежный настолько деликатен, что боится съесть лишний кусок.

Изобретательный коллективный мозг тюрьмы нашел выход, устраняющий ложность положения безденежных товарищей, щадящий их самолюбие и дающий почти официальное право каждому безденежному пользоваться лавочкой. Он может вполне самостоятельно тратить свои собственные деньги, покупать то, что хочется.

Откуда же берутся эти деньги!

Здесь-то и рождается вновь знаменитое слово времен «военного коммунизма», времен первых лет революции. Слово это — «комбеды», комитеты бедноты. Кто-то безвестный бросил это название в тюремной камере, и слово удивительным образом привилось, укрепилось, поползло из камеры в камеру — перестуком, запиской, спрятанной где-нибудь под скамейку в бане, а еще проще — при переводе из тюрьмы в тюрьму.

Бутырская тюрьма славится своим образцовым порядком. Огромная тюрьма на двенадцать тысяч мест при беспрерывном круглосуточном движении текучего ее населения: каждый день возят в рейсовых тюремных автобусах на Лубянку и с Лубянки на допросы, на очные ставки, на суд, перевозят в другие тюрьмы...

Внутри тюремная администрация за «камерные» проступки сажает следственных заключенных в Полицейскую, Пугачевскую, Северную и Южную башни — в них особые штрафные камеры. Есть и карцерный корпус, где в камерах лечь нельзя и спать можно только сидя.

Пятую часть населения камеры ежедневно куда-то водят,— либо в «фотографию», где снимают по всем правилам анфас и профиль, и номер прикреплен к занавеске, около которой садится арестант; либо «играть на рояле» — процедура дактилоскопии обязательна и почему-то никогда не считалась оскорбительной процедурой. Или на допрос, в допросный корпус, по бесконечным коридорам исполинской тюрьмы, где при каждом повороте провожающий гремит ключом о медную пряжку собственного пояса, предупреждая о движении «секретного арестанта». И пока не ударят где-то в ладоши (на Лубянке в ладоши хлопают, отвечая на прищелкивание пальцами вместо звяканья ключами), провожающий не пускает арестанта вперед.

Движение беспрерывно, бесконечно — входные ворота никогда не закрываются надолго,— и не было случая, чтобы однодельцы попали в одну и ту же камеру.

Арестант, перешагнувший порог тюрьмы, вышедший из нее хоть на секунду, если вдруг его поездка отменена, не может вернуться обратно без дезинфекции всех вещей. Таков порядок, санитарный закон. У тех, кого часто возили на допросы на Лубянку, одежда быстро пришла в ветхость. В тюрьме и без того верхняя одежда изнашивается много быстрее, чем на воле,— в одежде спят, ворочаются на досках щитов, которыми застланы нары. Вот эти доски вкупе с частыми энергичными «вошебойками» — «жарниками» быстро разрушают одежду каждого следственного.

Как ни строг учет, но «тюремщик думает о своих ключах меньше, чем арестант о побеге» — так говорит автор «Пармской обители».

«Комбеды» возникли стихийно, как арестантская самозащита, как товарищеская взаимопомощь. Кому-то вспомнились в этом случае именно комитеты бедноты. И как знать,— автор, вложивший новое содержание в старый термин,— быть может, сам участвовал в настоящих комитетах бедноты русской деревни первых революционных лет. Комитеты взаимопомощи — вот чем были тюремные «комбеды».

Организация «комбедовского» дела сводилась к самому простому виду товарищеской помощи. При выписке «лавочки» каждый, кто выписывал себе продукты, должен был отчислить десять процентов в «комбед». Общая денежная сумма делилась на всех безденежных камеры — каждый из них получал право самостоятельной выписки продуктов из лавочки.

В камере с населением 70—80 человек постоянно бывало 7—8 человек безденежных. Чаще всего бывало, что деньги приходили, должник пытался вернуть данное ему товарищами, но это не было обязательно. Просто он, в свою очередь, отчислял те же десять процентов, когда мог.

Каждый «комбедчик» получал 10—12 рублей в лавочку — тратил сумму, почти одинаковую с «денежными» людьми. За «комбед» не благодарили. Это выглядело как право арестанта, как непреложный тюремный обычай.

Долгое время, годы, быть может, тюремная администрация не догадывалась об этой «организации» — или не обращала внимания на верноподданническую информацию камерных стукачей и тюремных сексотов. Трудно думать, что о «комбедах» не доносили. Просто администрация Бутырок не хотела повторить печального опыта безуспешной борьбы с пресловутой игрой в «спички».

В тюрьме всякие игры воспрещены. Шахматы, вылепленные из хлеба, разжеванного «всей камерой», немедленно конфисковывались и уничтожались при обнаружении их бдительным оком наблюдавшего через «волчок» часового. Самое выражение «бдительное око» приобретало в тюрьме свой подлинный, отнюдь не фигуральный смысл. Это был обрисованный «волчком» внимательный глаз часового.

Домино, шашки — все это строжайше запрещено в следственной тюрьме. Книги не запрещены, и тюремная библиотека богата, но следственный арестант читает, не извлекая из чтения никакой другой пользы, кроме отвлечения от собственных важных и острых дум. Сосредоточиться над книгой в общей камере невозможно. Книги служат развлечением, отвлечением, заменяют домино и шашки.

В камерах, где содержатся уголовники, в ходу карты — в Бутырской тюрьме карт нет. И нет там никаких игр, кроме «спичек».

Это игра для двоих.

В спичечной коробке пятьдесят спичек. Для игры оставляют тридцать и закладывают их в крышку, ставя ее вертикально, на попа. Крышку встряхивают, приподнимают, спички высыпаются на стол.

Играющий первым берет спичку двумя пальцами и, действуя ею, как рычагом, отбрасывает или отодвигает в сторону все спички, какие можно выбрать из груды, не потревожив других. При сотрясении двух спичек вместе он теряет право играть. Дальше играет другой — до первой своей ошибки.

«Спички» — это самая обыкновенная детская игра в бирюльки, только приспособленная изобретательным арестантским умом к тюремной камере.

В «спички» играла вся тюрьма, с завтрака до обеда и с обеда до ужина, с увлечением и азартом.

Появились свои спичечные чемпионы, завелись наборы спичек особого качества — залоснившиеся от постоянного употребления. Таких спичек не зажигали, прикуривая папиросы.

Игра эта сберегла много нервной энергии арестантам, внесла коекакой покой в их смятенную душу.

Администрация была бессильна уничтожить эту игру, запретить ее. Спички-то были разрешены. Они и выдавались (поштучно), и продавались в магазине. Корпусные коменданты пробовали ломать коробки, но ведь и без коробки можно было обойтись в игре.

Администрация в этой борьбе с игрой в бирюльки была посрамлена — все ее демарши ни к чему дельному не привели. Вся тюрьма продолжала играть в «спички».

По этой же самой причине, боясь посрамления, администрация смотрела сквозь пальцы и на «комбеды», не желая ввязываться в бесславную борьбу.

Но, увы, слух о «комбедах» полз все выше, все дальше и достиг Учреждения, откуда и последовал грозный приказ — ликвидировать «комбеды», в самом названии которых чудился вызов, некая апелляция к революционной совести.

Сколько нравоучений было прочтено на поверках! Сколько криминальных бумажек с зашифрованным подсчетом расходов и заказов при покупке было захвачено в камерах при внезапном обыске! Сколько старост побывало в Полицейской и Пугачевской башнях, где были карцеры и штрафные палаты! Все было напрасно: «комбеды» существовали, несмотря на все предупреждения и санкции.

Проверить действительно было очень трудно. Притом корпусной комендант, надзиратель, долго работая в тюрьме, несколько иначе смотрел на арестантов, чем его высокий начальник, и подчас в душе становился на сторону арестанта против начальника. Не то чтобы он помогал арестанту. Нет, он просто смотрит на проступки сквозь пальцы, когда можно посмотреть сквозь пальцы, он не видит, когда можно не видеть, он просто менее придирчив. Особенно если надзиратель немолод. Для арестанта лучше всего тот начальник, который немолод и в небольших чинах. Сочетание этих двух условий почти обещает относительно приличного человека. Если он к тому же еще и выпивает — тем лучше. Карьеры такой человек не ищет, а карьера надзирателя тюремного и особенно лагерного — на крови заключенных.

Но Учреждение требовало ликвидации «комбедов», и тюремное начальство безуспешно пыталось добиться этого.

Была сделана попытка взорвать «комбеды» изнутри — это было, конечно, самое хитрое из решений. «Комбеды» были организацией нелегальной, любой арестант мог воспротивиться отчислениям, которые делались насильно. Тот, кто не желал платить такие «налоги», не хотел содержать «комбеды», мог протестовать и в случае своего отказа, протеста нашел бы тотчас же полную поддержку тюремной админи-

страции. Еще бы — ведь тюремный коллектив не государство, чтобы взимать налоги, значит, «комбеды» — это вымогательство, рэкет, грабеж.

Бесспорно, любой арестант мог отказаться от отчислений. Не хочу — и баста! Деньги мои, и никто не имеет права посягать и т. д. При таком заявлении никаких вычетов не производилось и все заказанное доставлялось полностью.

Однако кто рискнет на такое заявление! Кто рискнет противопоставить себя тюремному коллективу — людям, которые с тобой двадцать четыре часа в сутки, и только сон спасает тебя от недружелюбных, враждебных взглядов товарищей! В тюрьме невольно каждый ищет душевную поддержку в соседе и ставить себя под бойкот — слишком страшно. Это пострашней угроз следователя, хотя никаких физических мер воздействия тут не применяется.

Тюремный бойкот — это орудие войны нервов. И не дай бог никому испытать на себе подчеркнутое презрение товарищей.

Но если антиобщественный гражданин слишком толстокож и упрям — у старосты есть еще более оскорбительное, еще более действенное оружие.

Лишить арестанта пайки в тюрьме никто не вправе (кроме следователей, которым это бывает нужно для «ведения дела»), и упрямец получит свою миску супа, свою порцию каши, свой хлеб.

Пищу раздает раздатчик по указанию старосты (это одна из функций камерного старосты). Нары по стенам камеры разделены проходом от двери до окна. У камеры четыре угла, и пищу раздают с каждого из них по очереди, день — с одного, день — с другого. Смена эта нужна для того, чтобы повышенная нервная возбудимость арестантов не была растревожена каким-нибудь пустяком, вроде «вершков» и «корешков» бутырской баланды, чтобы уравнять шансы всех на густоту, на температуру супа...— мелочей в тюрьме нет.

Староста подает перед раздачей разрешительную команду и добавляет: а последнему дайте такому-то (имярек) — тому, кто не хочет считаться с «комбедами». Это унизительное, непереносимое оскорбление может быть сделано четырежды, за бутырский день — там утром и вечером дают чай, в обед — суп, в ужин — кашу. Во время раздачи хлеба «воздействие» может быть оказано пятый раз.

Звать корпусного коменданта для разбора подобных дел рискованно, ведь вся камера будет показывать против нашего упрямца. В таких случаях положено коллективно лгать, корпусной не найдет правды.

Но эгоист, жадюга — человек твердого характера. Притом он только себя считает невинно арестованным, а всех своих тюремных сожителей — преступниками. Он вдоволь толстокож, вдоволь упрям. Бойкот товарищей он переносит легко — эти интеллигентские штучки не заставят его потерять терпение и выдержку. На него могла бы подействовать «темная» — старинный метод внушений. Но никаких «темных» в

Бутырках не бывает. Эгоист уже готов торжествовать победу — бойкот не оказывает надлежащего действия.

Но в распоряжении старосты, в распоряжении людей тюремной камеры есть еще одно решительное средство. Ежедневно, на вечерней поверке, при сдаче дежурства, очередной вступающий на смену корпусной комендант задает по уставу вопрос, обращенный к арестантам: «Заявления есть!»

Староста делает шаг вперед и требует перевести бойкотированного упрямца в другую камеру. Никаких причин перевода объяснять не нужно, достаточно потребовать. Не позже чем через сутки, а то и раньше, перевод будет сделан обязательно — публичное предупреждение снимает со старост ответственность за поддержание дисциплины в камере.

Не переведут — упрямца могут избить или убить, чего доброго,— душа арестанта темна, а подобные происшествия ведут за собой неприятные многократные объяснения дежурного корпусного коменданта по начальству.

Если будет следствие по этому тюремному убийству, сейчас же выяснится, что корпусной был предупрежден. Лучше уж перевести в другую камеру по-хорошему, уступить такому требованию.

Прийти в другую камеру переведенным, а не с воли — не очень приятно. Это всегда вызывает подозрение, настороженность новых товарищей — не доносчик ли это! «Хорошо, если он только за отказ от «комбеда» переведен к нам,— думает староста новой камеры.— А если за что-нибудь похуже!» Староста будет пытаться узнать причину перевода — запиской, засунутой на дно мусорного ящика в уборной, перестуком либо по системе декабриста Бестужева, либо по азбуке Морзе.

Пока не будет получен ответ, новичку нечего рассчитывать на сочувствие и доверие новых товарищей. Проходит много дней, причина перевода выяснена, страсти улеглись, но — и в новой камере есть свой «комбед», свои отчисления. Все начинается сначала — если начнется, ибо в новой камере наученный горьким опытом упрямец поведет себя иначе. Его упрямство сломлено.

В следственных камерах Бутырской тюрьмы не было никаких «комбедов» — пока разрешались вещевые и продуктовые передачи, а пользование тюремным магазином было практически не ограничено.

«Комбеды» возникли во второй половине тридцатых годов как любопытная форма «собственной жизни» следственных арестантов, форма самоутверждения бесправного человека: тот крошечный участок, где человеческий коллектив, сплоченный, как это всегда бывает в тюрьме в отличие от воли и лагеря, при полном бесправии своем, находит точку приложения своих духовных сил для настойчивого утверждения извечного человеческого права жить по-своему. Эти духовные силы противопоставлены всем и всяческим тюремным и следственным регламентам и одерживают над ними победу.

Александр МОГУЧИЙ

Дом, в котором мы живем

Как-то вечером группа подростков забрела в жэковский красный уголок послушать только что вернувшегося из армии музыканта «дядю Сашу». Пришли раз, другой... Потом начали выступать перед своими сверстниками. А однажды районный Дом пионеров пригласил ребят вместе с их нечаянным руководителем Александром Пономаревым принять участие в празднике «Музыкальная весна». Вот тогда-то и решили ребята, чтобы не ударить в грязь лицом, серьезно заняться музыкой и пением.

Так, собственно говоря, и родилась в Кировском районе детская хоровая школа «Весна» под руководством теперь уже заслуженного артиста РСФСР А. С. Пономарева. Сегодня школа хорошо известна не только в Москве, но и за рубежом. «Я объехал с целью изучения музыкального образования и воспитания более двадцати стран,— пишет профессор музыки из Канады Л. Уотсон.— «Весна» — один из лучших хоров, слышанных мною».

Не знаю, как реагировал на эти шумные сборища в красном уголке тогдашний начальник дэза — дело давнее, зато прекрасно помню, как рождалась музыкально-хоровая студия «Орлята» в микрорайоне Ясенево. Представители дэза обрезали электропровода на распределительном щитке квартиры, где шли занятия, вызвали участкового, чтобы «прекратить это безобразие», и даже просигнализировали в ОБХСС. Не может, дескать, быть, чтобы за какие-то жалкие гроши преподаватели с утра до вечера учили детишек музыке и при этом... не воровали. И неизвестно, чем бы закончилась эта длительная осада энтузиастов, не возьми студию под свою личную опеку тогдашний председатель Черемушкинского райисполкома, а теперь первый секретарь райкома КПСС В. И. Кузнецов...

Но времена меняются. Сейчас в хозрасчетных кружках, организующих досуг населения, в любительских объединениях по интересам никто (или почти никто) не видит ничего предосудительного. Поутихли и набившие оскомину возгласы «куда смотрит прокурор?». Райисполкомы, общественные организации убедились в том, что молодые инициативные работники «со стороны», способные увлечь своими идеями подростков, занять их интересным, полезным делом, стали сегодня их надежными помощниками. План основных мероприятий по перестройке организаторской и политической работы среди населения Москвы на 1988—1990 годы, не так давно опубликованный в печати, предусматривает дальнейшее расширение сети кружков, секций, видеосалонов и компьютерных центров, клубов и пунктов проката спорткультинвентаря, работающих на основе самоокупаемости.

Сегодня, кажется, даже самый замшелый бюрократ газеты читает. И все же...

«КРИМИНАЛЬНЫЙ» ЭНТУЗИАЗМ

В недалеком будущем вдоль Рублевского шоссе появится разветвленная сеть залов, клубов, кафе и даже театров. Будет здесь и компьютерный центр, и видеосалон, и клуб «Здоровье» с различными спортивными секциями для детей и взрослых. Все будет. Но, естественно, не завтра, не послезавтра и, наверное, даже не через несколько месяцев. А мальчишки из Кунцева уже сегодня, сейчас хотят заниматься спортом, к примеру горнолыжным. Благо ландшафт местности дает для этого прекрасную возможность. К тому же и энтузиаст этого дела нашелся — Г. Г. Ощепков, который сплотил вокруг себя группу подростков и организовал при школе № 1127 хозрасчетные спортивные кружки. Администрация школы идею Ощепкова оценила и даже обратилась в Кунцевский райисполком с просьбой выделить для ребят две комнаты в помещении дэза № 28. Исполком, тоже прекрасно понимая, какое это хорошее и нужное дело, пошел навстречу и принял соответствующее решение...

Но ребята вместе со своим руководителем, наивно полагавшие, что решения райисполкома вполне достаточно для того, чтобы обосноваться в отведенных для нужд кружка комнатах, очень скоро натолкнулись на одно абсолютно непреодолимое препятствие. Оказывается, им, чтобы превратить свою мечту в явь, необходимо еще и личное согласие начальника дэза № 28 П. И. Демченкова. А он по каким-то особым причинам не изволит соглашаться и, прибегая к разного рода бюрократическим уловкам, заветные ключики от входных дверей комнат не отдает.

— Ощепков не энтузиаст, а аферист,— сердится Петр Иосифович (слова его передаю со стенографической точностью),— подстрекает тут всех. Занял комнаты Всероссийского добровольного общества автомотолюбителей. У них там междоусобица... И вообще, если он будет так себя вести, то мы его с милицией выкинем оттуда. Не с детьми он занимается, а поборами занимается. Деньги берет — по 5 рублей с каждого...

Обвинения хоть и грешат издержками в тоне, но, согласитесь, серьезные.

— Какие поборы? — удивляется инспектор Кунцевского РУНО В. А. Петров.— Родители мальчишек раз в месяц вносят в сберкассу по 5 рублей. С этой суммы преподавателю и выплачивается в установленном порядке определенный процент — зарплата.

— А где занимаются ребята? — спрашиваю Валерия Анатольевича.

— В школе. Дэз, насколько мне известно, помещение сначала дал, а потом отобрал. Мы дэзами не командуем...

Как видите, никаких особых претензий у инспектора Кунцевского РУНО, курирующего внешкольную работу, к руководителю горнолыжных кружков нет. Правда, по его словам, занятия проходят у ребят без должной доли энтузиазма. Да и откуда ему взяться-то, энтузиазму, если долгие месяцы приходится лицезреть баталии между начальником дэза и руководителем кружка? К тому же, если судить по высказываниям Демченкова, выдержанным далеко не в строгих педагогических формах,

Главный аргумент начальника дэза: не те комнаты ребята заняли. Но дело, думается, не в комнатах, а в амбиции. Не приглянулся Петру Иосифовичу руководитель кружка. А это уже посложнее. Сердцу, как известно, не прикажешь. Вот и держит он оборону комнат от не пришедшегося по душе Ощепкова, несмотря на решение исполкома, на подтверждение юридического статуса кружков. А страдают от этой нелюбви дети.

Все знакомо, все было. Руководителя музыкально-хоровой студии «Орлята» Н. Г. Лаврову милицией тоже стращали. И без упреков в финансовых злоупотреблениях не обошлось. По иронии судьбы стращал и подозревал во всех смертных грехах тоже начальник дэза № 28, на сей раз, правда, Черемушкинского района, А. А. Евтеев. Однако не безгрешен был как раз сам Евтеев, за что, собственно, его и приговорил народный суд к условному лишению свободы. И все же энтузиазм, забота о детях помогли выстоять Н. Г. Лавровой и ее единомышленникам. И не только выстоять, но и победить. Да вот беда, пришлось идти к победе «орлятам» слишком долго — годы. Неужели та же судьба и у юных спортсменов из Кунцева?

«АНТЕЙ» ПОД КРЫЛОМ У «ЗВЕЗДЫ»

В клуб «Звезда», который распахнул свои двери в одном из дворов Гагаринского района, заглянул «на огонек» водитель автобуса Андрей Юньков. Иронической улыбкой одарил ребят, занимающихся хореографией, отпустил парочку острот в адрес «знатоков английского», ухмыльнулся над усердием юных лепщиков...

— Неужели ничто не приглянулось? — не без огорчения спросил Андрея руководитель клуба В. А. Борисов.— Чего же, по-твоему, не хватает?

— Ну, например, клуба силачей,— скорее в шутку ответил Андрей.

Но Виктор Алексеевич ухватился:

— Замечательно. Может, сам и организуешь?..

Через несколько дней в «Звезду» Андрей явился не один — с товарищами, принесли спортивные снаряды. Потом атлеты привели своих друзей, знакомых. Так в микрорайоне появился клуб «Антей». Здесь запросто подкидывают двухпудовые гири, без натуги поднимают тяжелейшие штанги, легко разжимают упругие стальные пружины.

— А ведь многие пришли к нам сутулыми, даже хилыми,— рассказывает А. Юньков.— Но быстро выпрямились, набрались сил. В клубе железное правило — ни сигарет, ни спиртного.

Вот так. А повсеместно созданные первичные организации Всесоюзного добровольного общества борьбы за трезвость до хрипоты спорят о формах и методах работы и никак не могут прийти к общему знаменателю. Да начинать просто нужно с живого дела! Только оно и даст конкретные результаты.

Но почему же у одних это живое дело находит поддержку и понимание, а у других, как в уже упомянутых дэзах, натыкается на глухую стену бездушного бюрократизма? В том же Гагаринском районе помимо «Звезды», которая, кстати, создана за счет прибыли автотранспортного управления, гостеприимно распахнули свои двери клубы «Ровесник», «Гелиос» и хозрасчетный молодежный центр «Спектр». Здесь рады любой интересной инициативе, сколько бы хлопот она ни принесла. Руководителю клуба «Звезда», надо думать, непрофильный «Антей» доставляет много неудобств — не такое уж это гармоничное

соседство: вокал, хореография и тяжелоатлеты. Но что делать — нет пока для «Антея» подходящего помещения, вот и терпят. А разве не добавляет забот электронный клуб, работающий с раннего утра и до позднего вечера? Гагаринцы его создали первыми в городе — не испугались бюрократических рогаток, хлопот и т. п.

Можно, и, наверное, не без оснований, предположить, что в Гагаринском районе больше энтузиастов, хозяйственников, не на словах, а на деле любящих детей. Все это так. Но есть и другое.

Как начинали в Гагаринском районе? В каждом микрорайоне создали своеобразные зональные советы, в состав которых вошли представители партийных организаций дэзов, школ, поликлиник, милиции, территориальные депутатские группы, общественность. Провели паспортизацию помещений в районе, наметили программу действий. И дело, пусть не так быстро и легко, как хотелось, пошло. Но уже на начальном этапе остро встал вопрос о повышении активности самого населения. Как этого достичь? Готового ответа тогда не было. Поэтому при помощи Академии народного хозяйства СССР среди жителей района провели социологические исследования. Их данные позволили четко определить направления работы, полнее учесть интересы людей. И конечно, налажен был постоянный контроль. Работники райкома партии, исполкома райсовета, РК ВЛКСМ не только частые гости клубов, молодежных объединений, но и активные участники, а то и организаторы многих мероприятий.

— Наступил очень ответственный и трудный этап перестройки — этап практического внедрения наших замыслов, решения двух взаимосвязанных и взаимообусловленных задач: дальнейшей демократизации общества и проведения радикальной экономической реформы. Главное здесь — вовлечь в эту работу широкие массы людей. И по сути дела, место жительства должно стать основной после производства базой формирования, воспитания человека новой культуры, человека перестройки. Из этого и вытекают те задачи и выводы, которыми нам, партийным работникам, надо руководствоваться на практике,— говорит заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Московского городского комитета партии С. А. Попов.

Опыт работы гагаринцев не остался «под замком». Проблема перестройки, активизации работы с населением по месту жительства обсуждалась на бюро МГК КПСС. Продолжением этого разговора стал семинар первых секретарей районных комитетов партии. Был обобщен опыт работы Гагаринского района столицы, намечена программа действий. В чем она заключается?

— Для координации воспитательной работы территориальных партийных, советских, общественных организаций, учреждений народного образования, культуры, спорта, правоохранительных органов в каждом микрорайоне города по примеру зональных советов в Гагаринском районе предполагается создать общественно-культурные центры,— рассказывает С. А. Попов.— В районах уже предпринимались попытки формирования социально-педагогических, культурно-спортивных комплексов, общественно-политических, справочно-информационных центров. Только в прошлом году их насчитывалось более 180. Однако срабатывали они далеко не всегда эффективно. Общественно-культурный центр, думаю, поможет систематизировать эту работу, придать ей должный напор и энергию. Ядром общественно-культурного центра станет школа, либо культурно-просветительное учреждение, либо физкультурно-спортивный клуб, либо любительское объединение... Готовых рецептов здесь нет и быть не может. Главное — это ини-

циатива, поиск и постоянное внимание к этому вопросу партийных организаций. Ни одно хорошее начинание, ни одна полезная инициатива не должны остаться без поддержки. В этом залог успеха.

* * *

Руководитель детской хоровой школы «Весна», о которой мы рассказывали в начале статьи, заслуженный артист РСФСР А. С. Пономарев не без гордости вспоминал, что шумные сборища ребят в красном уголке их дэз приветствовал чуть ли не обеими руками, даже помогал чем мог. А ведь не было тогда ни комплексной программы «Досуг», ни свободных комнат, которые специальным решением исполкома отдавали для нужд ребятишек... Было просто чуткое, доброе, заинтересованное отношение друг к другу. И, как видите, значит это немало.

Людмила ИВАНОВА

«Прохожу я по Горьковской улице...»

«Я — коренной москвич!», «Я — коренная москвичка...» — часто приходится слышать на депутатском приеме от моих избирателей. И я их очень понимаю.

...До войны мы жили на Трифоновской. Как и большинство людей в те годы, в коммунальной квартире, в одной комнате. Когда я поступила в музыкальную школу на Самотеке, чтобы поставить мне пианино, папин письменный стол, за которым он написал около 50 книг, переместили на общую кухню, он стал там работать по утрам — с пяти до семи, чтоб никому не мешать и чтоб ему не мешали. Соседи не протестовали. Его вообще все любили в нашем доме, может, за то, что он был удивительно приветлив. Когда мы шли с ним по двору, он постоянно снимал шляпу: «Здравствуйте! Здравствуйте!..» Мой отец, Иван Иванов, был профессором географии, одним из первых наших полярников, а мама — экономистом. Большая театралка, она не пропускала ни одной премьеры и научила любить театр меня. Свою первую роль я сыграла, конечно, в школе. Это была роль Весны в сказке А. Островского «Снегурочка». Мама, помню, нашила мне на розовое платье нежные бело-розовые цветы (тогда в Москве всюду продавали искусственные яблоневые ветки). Именно такие «красивые» роли я хотела играть, мечтая стать актрисой.

Но вышло по-другому. Мои героини — простые, обыкновенные, чаще деревенские женщины. Пятнадцать Клавдий, шесть Марий, четыре Зинаиды, три Шуры, Ефросинья, Васюта, а в этом году еще и баба Груша. Правда, в прошлом сезоне мне посчастливилось выйти к зрителю «Современника» «как есть» в спектакле «Дилетанты».

Это был авторский вечер, где В. Гафт читал свои стихи и эпиграммы, Л. Филатов — свою сказку, Г. Соколова и В. Смехов — рассказы, а я пела свои песни, которые главный режиссер Г. Волчек, представляя нас, назвала песнями-монологами. Вообще, это совсем не стихи, их надо обязательно петь. Как они сложились? У каждой песни своя история.

Первой очень повезло — ее пели даже в электричках. Давно, когда начинался наш театр, когда читали стихи у памятника Маяковскому, когда люди взяли в руки гитару и стали сочинять песни, попробовала и я. Это была «Улица Горького».

Один раз услышала, туристы поют эту песню. «Чья?» — не удержалась. Говорят: «Ады Якушевой». Нет, нет, это моя, моя! Даже испугалась. Я ведь помню, как сочиняла: шла по улице Горького, плакала, и на меня удивленно оглядывались. Шла, шла — и сложилась сама собой песня, стало легко, обида прошла.

Бесконечной тоскою охвачена,
Я бреду по вечерней Москве,
То ли дождь идет, то ли плачу я,
И все думаю я о тебе.

Прохожу я по Горьковской улице,
Удивленные взгляды ловлю.
Я не глупая, я не умница,
Просто женщина, просто люблю.

И бежит под ногами Садовое,
А троллейбусы рядом бегут,
Незнакомые мне влюбленные
Под часами на сквериках ждут.

И весенним дождем опрокинуты
На асфальте горят фонари,
Под плащом, на обоих накинутым,
Ходят пары до самой зари.

Бесконечной тоскою охвачена,
Я бреду по вечерней Москве,
То ли дождь идет, то ли плачу я,
И все думаю я о тебе.

Эта песня весенняя. А про зимнюю Москву тоже есть.

Артисты — люди впечатлительные, легко верят во всякие невероятности. Много лет назад со мной произошла такая история. Меня пригласили физики в свой институт поставить спектакль, я была начинающей актрисой. Поехала искать институт. Ленинский проспект был не весь еще застроен, и на каком-то пустыре я застряла — метель началась, а я никак не могу найти нужное здание. Мне даже показалось, что останусь тут навсегда: занесет снегом.

Помнится, настроение было плохое, как-то одиноко было. Вдруг откуда ни возьмись передо мной вырос молодой человек: «Вы что тут стоите? Я так и думал, что вы заблудитесь, вышел навстречу». И, засмеявшись, дал мне мандарин, как маленькой, и сразу стало весело.

Я это вспомнила однажды и сочинила шуточную песенку. (Между прочим, за этого молодого человека я вышла замуж.)

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Со мною случай был такой,
Однажды снег пошел густой,
И даже улица внезапно изменилась.
И все похожие дома
Белы, как белая зима,
Район-то новый, я взяла и заблудилась.
Стою и плачу, снег кляну,
Я у метели здесь в плену.
Вдруг человек ко мне подходит, утешает:
«Нам с вами в сторону одну?»
И, словно рыцарь в старину,
Спросив согласия, до дома провожает.

Он симпатичный и смешной,
Совсем заснеженный такой,
И даже, кажется, он мне когда-то снился.
А добрый, словно Дед Мороз,
Тяжелый сверток мой поднес,
Дал мандарин, и весь пейзаж преобразился.
Как корабли, стоят дома
Как будто в гавани зима,
А телевизоров антенны словно мачты.
Луна тихонечко плывет,
А скоро праздник Новый год,
В районе новом он родится, не иначе.
И я, наверно, влюблена,
Хотя зима, а не весна,
И мы как два снеговика, и мерзнут уши.
Луна тихонечко плывет,
А у меня внутри поет:
«Ты самый нежный, самый снежный, самый лучший!»

А песенка «Может быть, может быть, я не современная» попала на эстраду сразу. Ее спела и записала на пластинку Гелена Великанова, затем начали петь на танцах, на пароходах, в домах отдыха.

Большинство же песен придумано мной во время работы над ролями. Я ха́рактерная актриса, стало быть, должна уметь играть все возрасты и профессии.

В 20 лет мне дали роль деревенского мальчишки Кольки в спектакле Н. Сац, в 24 — в театре «Современник» в спектакле «Вечно живые» сыграла учительницу Анну Михайловну 50 лет, у нее взрослый сын, он приезжает с фронта раненым. Так трудно было... Я и сейчас играю эту роль. Но теперь мне все в ней понятно, я могу воспользоваться своим опытом — у меня уже два взрослых сына. Но зато передо мной встала задача посложней: няня в «Трех сестрах» 82 лет. Между прочим, я играю ее без грима. Перед спектаклем всегда посижу, вспомню, кто меня обидел, какие тяжелые сумки несла, как ноги болят, потом платочек надену, подойду к зеркалу — 80. Главное — выражение глаз.

Иногда не хватает собственного опыта, начинаешь приглядываться к людям, знакомым, родным, просто к первым встречным. Ищу похожую на мою героиню или вспоминаю женщин, которых знала раньше; у нас постоянно «работает счетчик» — в невидимую записную книжку заносятся впечатления от людей, какие-то необычные черточки, характеры. Очень помогла мне однажды, вовсе не ведая того, моя соседка со второго этажа Марья Александровна Киреева. Она была такой общительной, широкой, хлебосольной, всегда приглашала отведать какого-то необыкновенного варенья (жила она более чем скромно, в 70-е годы у нее была пенсия 40 рублей), ей до всех было дело, она кидалась на помощь, она заражала своей веселостью, шутками, неиссякаемым оптимизмом.

Марья Александровна не ходила ни в театр, ни в кино, только радио слушала. Артистов любила. Но они представлялись ей особыми людьми. Ей казалось, что они совсем из другого теста: встают поздно, надевают что-то красивое, кимоно например, едят мармелад, шоколад, пьют кофе...

Когда она видела, как я бегу с авоськами, делаю уроки с сыном, варю борщ, то начинала сомневаться: «Врешь, ты не артистка!»

Мне сказала Марья Александровна:
«Ну, какая ж ты артистка?
Ты полы в квартире моешь, и красивой шубы нет!
Вот у нас была артистка,— у нее все пальцы в кольцах,
А носила только бархат, в крайнем случае вельвет!»
«Ах, Марья Александровна, я занимаюсь творчеством,
Я столько жизней проживаю за свою одну.
Пускай я не всегда играю роли те, что хочется,
Но так играть, как хочется, уже порой могу!»
«Врешь ты, девка, очень славно, но смотри: сгорят котлеты,
И пора ботинки новые мальчишкам покупать».
Тут прощаюсь я с соседкой: у меня в 6.30 явка,
А в метро такая давка, что нельзя не опоздать!
И вот уже бегу по Чистопрудному,
Все пуговицы оторваны, вся в мыле и в поту,
И ненавижу зрителей, а роли перепутались,
А сердце так колотится — сейчас я упаду.
И в последнюю секунду я влетаю в театр белый,
В театр белый, словно лебедь, что на Чистых на прудах,
О котлетах забываю, о мальчишках забываю,
И совсем, совсем другая отражаюсь в зеркалах.
Дыхание второе — я занимаюсь творчеством,
И зрителей люблю, а на сценическом кругу
Пускай я не всегда играю роли те, что хочется,
Но так играть, как хочется, уже порой могу!

В спектакле «Эшелон» по М. Рощину я играю Саввишну, которая едет в эвакуацию в теплушке вместе с беременной дочкой, и та вот-вот должна родить.

Страшно: хлеб кончается, бомбежка, пути разбиты...

Работая над этим спектаклем, мы, актеры, вспоминали, конечно, военное детство (я сама также с мамой ехала в теплушке, в новом нарядном летнем платье — ненадолго ведь!). Расспрашивали женщин постарше, как они помнят войну, как провожали мужей, ждали писем, получали похоронки. Ах, что рассказывали мне женщины! У меня сложилось несколько песен. Одну из них мы написали вместе с композитором Р. Хозаком, и ее спела Анна Герман. А родилась она под впечатлением от рассказа Раисы Викторовны Ленской.

ПОЖЕЛАНИЕ СЧАСТЬЯ

День осенний, очень ясный,
В небе синем-синем
На ветру сердечком красным
Бьется лист осины...
Нынче праздник, нынче вечер
На заводе нашем,
Я осталась: полюбуюсь,
Как девчонки пляшут.
Так танцуют, пол качает,
Очень современно,
Вдруг оркестр вальс играет
Старый, довоенный.
Этот вальс я танцевала

Так давно когда-то,
В сорок первом, провожая
Своего солдата.
Я все слезы вытирала:
«Ты уйдешь с рассветом».
Ты сказал мне: «Дотанцуем,
Я вернусь с победой!»
И победа и салюты
В небе расцветали,
Только мы с тобой, любимый,
Не дотанцевали...
Как сейчас, все вижу это,
Лишь глаза закрою,

И сегодня я танцую
Этот вальс с тобою...
Молодым девчонкам нашим
Все расскажешь разве?
Ах вы, девочки, девчонки,
Вам желаю счастья!

Мы никак не могли записать с Анной эту песню. Я два дня ходила на радио и ждала, а на мою песню все не хватало времени — другие композиторы с оркестром записывались. На третий день осталось всего 20 минут смены. Оркестр отказался: мало времени, несерьезно. А Анне уезжать. И тогда Давид Ашкенази сказал: «Ничего, не волнуйтесь, я один буду аккомпанировать этой изумительной певице». Песня записана под фортепьяно. Так и вышла на пластинке. Так Анна Герман спела ее в передаче «Близкое, далекое» по телевидению.

Роль Саввишны давалась мне легко, но сцена смерти не получалась никак. В пьесе есть такой текст: «Остановите поезд!.. Дайте водички кружечку, я в жизни воды перетаскала — Волгу!» Эти слова я постоянно повторяла про себя на улице, в автобусах, а один раз даже громко сказала в метро: «Остановите поезд!..»

Я выйду на бульвар,
Там клен золотогривый.
Лицо я в листья спрячу
И буду так стоять.
То тихо рассмеюсь,
То горестно заплачу,
Прохожим не понять,
Прохожим не унять.
Перенесусь я в тот
Далекий сорок первый,
Где осень и тревога
И я совсем одна.
И все бежит, бежит
Железная дорога,
И все гремит, гремит
Поблизости война...
По улицам пойду,
Заглядывая в лица,
В троллейбусе, в метро
Мне надо отыскать:
«Остановите поезд,
Дайте мне напиться!»
«Что с вами?»
«Ничего, проехала опять»
Чуть-чуть — и все пойму,
Я становлюся старой,
Да, хошь не хошь — изволь
Сегодня умирать!
Скажите сыновьям,
Что я жива останусь,
Ведь это только роль,
Что я должна сыграть,
Что я хочу сыграть.

Я начала с весенней песни про любовь, наверно, этим и закончу, чтобы у вас было хорошее настроение. Хара́ктерным актрисам никогда не дают играть «про любовь», даже когда пьеса или фильм про любовь. Помните фильм «Служебный роман»? Там все любили, страдали, а я только собирала взносы! Зато большинство моих песен про любовь.

Что такое любовь? Я, по-моему, знаю.
Пахнет солнцем и морем талый снег под Москвой.
Я хочу, я смеюсь, я цветы покупаю,
Я минуты считаю до встречи с тобой.
Что такое любовь? Отклоненье от нормы.
Это вроде ветрянки тяжелый недуг.
Закипает вся кровь, ты выходишь из формы,
Но зато, но зато мир прекрасен вокруг.
Можно вдруг умереть, можно снова родиться,
Можно вдруг поумнеть, стать красивою вдруг.
Я советую вам непременно влюбиться,
И увидите вы — мир прекрасен вокруг.

Тамара ЖИЛКИНА

ЖИЛЬЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ СУПРУГОВ

Молодая семья... Сколько искренних поздравлений, добрых пожеланий, напутствий слышит она в день своего рождения. И кажется, ничто не должно омрачить жизнь молодой симпатичной пары. Но наступают будни, а с ними в дом приходят хлопоты, заботы, проблемы, кстати, не всегда личного характера. Что и говорить, немало у нас еще нерешенных социальных вопросов: многие молодые семьи не имеют собственного жилья, не могут по-настоящему наладить быт. А потому, указывалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, «более продуманной должна быть система материальной помощи молодоженам, прежде всего в решении жилищно-бытовых проблем».

Наверное, по-настоящему полезным станет для нас опыт братских социалистических стран в данной области.

Ни для кого не секрет, что большинство молодоженов хотят жить отдельно от родителей, но чаще всего не имеют такой возможности. Многим приходится жить или в семье мужа, или в семье жены, а это, как многие из нас знают, влечет за собой массу неудобств и взаимных неудовольствий. Снимать квартиру? Не так-то легко найти сдающего. Да и дорого, согласитесь. А кроме того, ведь это временный выход из положения — в лучшем случае на несколько лет. А потом?

Данные анкетных обследований, проведенных в некоторых европейских странах СЭВ среди молодоженов, показали, что проблема жилья стоит везде остро. Так, обследование, организованное статистическим управлением Польши среди 13,5 тысячи молодоженов в возрасте до 30 лет, показало, что квартиры имели только 18% опрошенных, 75% жили вместе с родителями (причем 18% из них не имели даже собственной комнаты), 7,5% молодых супругов жили раздельно по различным причинам (служба в армии мужа, работа одного из молодоженов в другом городе и проч.).

В Венгрии, согласно официальной статистике, три четверти молодых людей вступают в брак, не имея собственного жилья; 51% молодых семей живут у родителей; 11% — снимают квартиру. В ЧССР в середине 70-х годов, при изучении причин того, почему многие молодые семьи не имеют детей, были получены следующие ответы: 51,8% всех опрошенных в городе указали на отсутствие материальной базы, 27,1% — на отсутствие жилья, 7,3% — на занятость женщины, 2% — на нехватку яслей и детских садов.

Как же решается проблема обеспечения жильем молодоженов в странах СЭВ?

Во многих странах существует разносторонняя и дифференцированная система предоставления кредитов и ссуд молодоженам,

например для вступления в ЖСК или для индивидуального жилищного строительства. Эти меры тесно увязываются с демографической политикой, поэтому в ряде стран часть кредита погашается, если в течение срока, на который он выдан, рождается ребенок.

Интересно, что кредиты предоставляются молодоженам с учетом их возраста. В ГДР, Польше, Румынии, СССР и Чехословакии молодоженами могут считаться супруги не старше 30 лет, в Болгарии, Венгрии и Польше — супруги, один из которых не старше 35 лет.

Оказание такой помощи осуществляется по трем основным направлениям. Первое — предоставление кредитов для уплаты взносов при вступлении в кооператив, для покупки готового дома, модернизации или расширения площади, приобретения оборудования и мебели, предметов длительного пользования — осуществляется через госбанки и сберкассы под малые ставки процента — 1—2% годовых. В НРБ, ВНР, ГДР, ЧССР государство предусматривает полное или частичное списание кредитов при рождении детей. Второе — предоставление предприятиями безвозмездных и беспроцентных ссуд и кредитов молодым семьям. При определенных условиях часть этих ссуд списывается. Третье — ежегодное выделение определенной части квартир молодым семьям из общего жилищного фонда местных Советов. (Так, например, в НРБ с 1985 года молодым семьям выделяют 25% построенных местными Советами и ведомствами квартир.)

В Болгарии новобрачным семьям предоставляется кредит для строительства или покупки жилья в размере до 15 тысяч левов (1 рубль равен 1 леву) без первоначального взноса со сроком погашения до 30 лет. При рождении в семье второго ребенка в течение четырех лет после появления первого — сумма задолженности сокращается на 3 тысячи, а при рождении третьего ребенка — еще на 4 тысячи.

Интересен опыт болгарской столицы Софии — там не молодые супруги отселяются от родителей, а родителям (если они пенсионеры) выделяется отдельная однокомнатная квартира со всеми удобствами в специально построенном для таких целей доме.

В Венгрии молодоженам предоставляются на льготных условиях кредиты для вступления в жилищный кооператив или для строительства собственного дома.

Сумма этих кредитов в зависимости от числа членов семьи колеблется от 320 тысяч до 540 тысяч форинтов (1 рубль равен примерно 17 форинтам). Срок погашения — 35 лет с выплатой 3% годовых. Учитывается район застройки и качество квартиры, поэтому цена 1 м² площади составляет от 12 до 30 тысяч форинтов, стоимость семейных домов достигает 1,5—2 миллионов форинтов. В дополнение к этим кредитам молодые семьи имеют право на безвозмездную материальную помощь на каждого планируемого или имеющегося в семье ребенка.

Широко распространены в ВНР также беспроцентные займы, они предоставляются молодым специалистам из фондов предприятий на 15—35 лет. Причем получающий обязуется проработать на предприятии не менее 5—10 лет. Беспроцентным займом пользуются молодожены, живущие на селе. Это помогает закрепить молодые кадры в сфере сельского хозяйства.

Молодые рабочие семьи могут временно поселиться в малогабаритных однокомнатных квартирах, построенных предприятиями специально для них. Это жилье предоставляется с условием, что в течение определенного периода (как правило, за пять лет) в семье будут накоплены средства для вступления в жилищный кооператив. Затем квартира передается другой молодой семье.

Все большее число квартир, построенных местными Советами и продаваемых кооперативам и предприятиям, предоставляется молодоженам. Так, в 1976 году — 47,1%, в 1980-м — 60,1%, в 1982-м — 44,7%, в 1986-м — 45,2%.

В ГДР молодая семья может получить кредит в размере 7 тысяч марок (1 рубль равен 3,2 марки) для строительства собственного дома, выплаты первого взноса за кооперативную квартиру и т. д. и еще 7 тысяч марок на приобретение оборудования для квартиры. Срок кредита — 11 лет. Начало выплаты предусматривается не раньше чем через год после получения ссуды. Причем из этой суммы погашается при рождении первого ребенка — 1000 марок, второго ребенка — 1500 марок, третьего ребенка — 2500 марок. Таким образом, молодая семья при рождении трех детей освобождается от выплаты основной суммы одного из кредитов.

Очень широк ассортимент товаров, которые можно приобрести на полученный кредит,— мебель, бытовые электроприборы, изделия из фарфора, люстры, часы, ковры, другие предметы обихода. Интересны результаты опросов, проведенных в универмагах

ПО ДАННЫМ СТАТИСТИКИ:

● *В настоящее время в Москве более 50% молодых супружеских пар проживают с родителями или с другими родственниками.*

● *Лишь 13% опрошенных молодоженов в столице заявили, что не хотят уезжать от родителей, жить отдельно от них.*

● *На 1 января нынешнего года 56,3 тысячи молодых семей нашего города являлись очередниками на улучшение жилищных условий в исполкомах районных Советов. 39,2 тысячи — на предприятиях города.*

Бюро МГК КПСС рассмотрело проект Целевой комплексной программы (ЦКП) «Молодая семья» на период до 2000 года, одним из основных направлений которой является улучшение жилищных условий молодоженов.

Проект предусматривает:

дополнительные меры по обеспечению жильем молодых супружеских пар;

совершенствование системы учета молодых семей, нуждающихся в жилье;

изыскание для них дополнительных возможностей получения жилой площади — облегчение системы оплаты при вступлении в жилищно-строительный кооператив, расширение обменного фонда жилья, упрощение обмена и размена жилой площади.

В связи с этим, указывается в проекте, необходимо:

привести планирование и строительство жилья в соответствие с семейной структурой населения;

разработать новые проекты квартир для различных категорий семей, в первую очередь многодетных.

Предполагается также:

увеличить число молодежных жилых комплексов; в двенадцатой пятилетке будет построено 11 МЖК, передано под МЖК 96,3 тысячи квадратных метров жилой площади за счет капитального ремонта и реконструкции зданий;

Берлина, Лейпцига, Ростока: у молодых пар пользуется спросом мебель «делового стиля» — скромная, строгая и, кроме того, позволяющая варьировать обстановку в комнатах.

За период с 1972 по 1986 год молодым семьям было выделено около 1,2 миллиона кредитов на общую сумму 7,6 миллиарда марок. Примерно четвертая часть этой суммы осталась у молодоженов, имеющих детей.

Несколько иными являются условия предоставления подобных кредитов в Польше. Для его получения молодым супругам необходимо иметь двух поручителей с заработком не ниже 10 тысяч злотых (1 рубль равен примерно 130 злотым) в месяц (причем поручители не должны быть задолжниками сберегательных касс и кооперативных банков). Кроме того, молодожены должны принести документы о проживании в отдельном жилом помещении (квартире, доме, комнате) либо о найме жилого помещения, а также справку с места работы с указанием размера дохода.

Если все бумаги в порядке, молодоженам выдается кредит в размере 150 тысяч злотых со сроком погашения пять лет. В случае просрочки погашения или использования его не по назначению вся задолженность взыскивается немедленно.

О популярности таких кредитов среди молодежи красноречиво говорят статистические данные: если в 1975 году сумма кредита, выплаченная молодоженам государством, составляла 3,6 миллиарда злотых (то есть 36% всех кредитов, выплаченных на покупку товаров длительного пользования), то в 1985 году эта сумма составила уже 22 544 миллиарда злотых, или 98% всех кредитов, выплаченных на покупку товаров длительного пользования.

Кроме того, польские предприятия выдают молодоженам займы на выплату пая в ЖСК в размере 100% единовременного взноса. При этом предоставленный заем может быть погашен предприятием полностью, если работник трудился там пять и более лет и если месячный доход на одного члена семьи не превышает 3 тысячи злотых.

В Румынии молодожены также имеют возможность приобрести в кредит мебель стоимостью свыше 5 тысяч леев (1 рубль равен примерно 8,3 лея). Срок выплаты кредита рассчитан на 14 месяцев. Независимо от уровня заработной платы размер первого взноса составляет 30% цены. Остальное выплачивается равными долями.

расширить строительство молодежных жилищно-строительных кооперативов, выделить для молодых семей не менее 10% жилой площади в ЖСК;

сократить для иногородних супружеских пар срок постоянного проживания в Москве, необходимый для вступления в ЖСК, до пяти лет и внести соответствующие изменения в Правила учета и распределения жилой площади в Москве;

выделять до 10% жилой площади, построенной на средства предприятия, для молодых семей с учетом их трудового вклада и общественной активности;

при распределении жилья многодетным семьям учитывать близость к месту работы и месту жительства родителей;

на уровне района предоставлять молодым комнаты за выездом в срок не более двух лет с момента регистрации брака при отсутствии возможности выделения им отдельной комнаты из жилой площади родителей обоих супругов.

Владимир ВОЙНА

«АХ, ВЕРНИСАЖ!», или ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ КУЛЬТУРА

Недавно вычитал я такую мысль: «Уровень человечности в обществе определяется по минимуму — в сферах традиционно ограниченной свободы действий: в армии, тюремном заключении».

До этой, с виду парадоксальной, но невероятно точной истины дошел молодой человек, хлебнувший лиха в армии; в тюрьме он не сидел. Ныне он студент МГУ, фамилия его А. Терехов, размышления его опубликовал журнал «Огонек» (1988, № 19). Готов засвидетельствовать его правоту собственным жизненным опытом, но дело не в чьей-то личной судьбе: здесь дан нам вообще компас для определения верного направления поисков. Чтобы судить о каком-то явлении, надо заглянуть в самую суть, а это значит — туда, где счет идет по минимуму, в те закоулки, куда обычно не проникает взор любителя показухи. О свободе — по тем местам, где ее меньше всего, о цивилизованности, культуре быта... А как о них-то будем судить? Мне кажется, тоже по тем местам, которые не выставляются напоказ. Если культура органична, если она — не «потемкинская деревня», то она должна присутствовать всюду, даже там, где о ней специально не думают, где заботятся невзначай, само собой. Скажем, на кладбищах, в туалетах общего пользования... Да-да, не Большой театр, а уборная за углом скажет больше о том, как общество заботится о своих согражданах, уважает ли их, да и самое себя тоже. Если там — дикость, если уборных, как в Москве, почти нет, а немногие существующие укромно сокрыты от взглядов прохожих, тогда легко понять, чего сто́ят и на каком фундаменте стоят верхние этажи воздвигнутого нами здания.

Мой коллега, работавший в 60-е годы в представительстве СССР при ООН, рассказал мне следующую историю.

Группа развивающихся стран обратилась в Международный банк реконструкции и развития с просьбой о выдаче ссуды. Им необходимы были средства на развитие современных отраслей промышленности. Международный банк ответил отказом. Причина? Отсутствие туалетов.

Нет, это не шутка. Мотивировка звучала так: поскольку вы не создали современную городскую инфраструктуру, с техническим прогрессом вам следует подождать. До тех пор, пока ваш рабочий, обслуживающий станки с числовым программным управлением, ходит «на жердочки», по-дикарски... и так далее.

Общественность этих стран была оскорблена в лучших чувствах, на какое-то время слова «канализация» и «колонизация» стали чуть ли не синонимами. Но страсти улеглись, создали-таки современные системы городской очистки, потом — и развитую промышленность. Сегодня струк-

тура, скажем, экспорта (доля современных промышленных изделий в нем) во многих развивающихся странах, где еще недавно ходили «за угол», по-простому, такова, что нам впору позавидовать. Урок пошел впрок, этажность здания нельзя нарушать.

А вот другая история, все о том же. В 30-е годы в Москву прибыл видный французский писатель Андре Жид, его роман «Фальшивомонетчики» был тогда у нас среди самых читаемых. Имелось в виду, что он, друг СССР, напишет о нас правдивую книгу. Да, он написал, вполне правдиво, но кончилось дело фельетоном в центральной газете с самыми тяжкими оскорблениями в адрес француза. Его не просто перестали печатать, но и упоминать. За что? Он посмел поведать миру правду о наших туалетах, о том, каким оскорбленным и униженным чувствует себя в них человек. Достойно ли вообще, задался он вопросом, существования такое общество? Правда была слишком горькой, нам наступили на больную мозоль.

Да, конечно, всему можно найти объяснение — если не оправдание. И нашему дикарству (будка во дворе запрещена строительными нормами и правилами Эстонской ССР, но в других республиках мы такого запрета не знаем, не дожили еще до такой нормы цивилизованности), и нашей спешке, вечной гонке: сдадим к празднику, а доделать — успеем (оттого и чиним теперь московский метромост, что 30 лет назад «лепили» его на живую нитку), и нашей традиционной философии «абы как», «и так сойдет», и нашей извечной бедности. Ведь никакие международные банки не давали нам средств на индустриализацию...

Но если еще можно понять (не простить) тех, кто когда-то обиделся на французского писателя за обжегшую, как кислота, правду, происходящее в наши дни не имеет ни малейших оправданий. Планка цивилизованности ныне поставлена достаточно высоко, возникли современные кварталы и районы с удобными, благоустроенными квартирами, душами и ваннами, подземными переходами и прочими атрибутами XX века. А вышел из дому — забудь о культуре, терпи при нужде до разрыва мочевого пузыря! С «этим делом» — век каменный...

По данным, опубликованным в прошлом году, в Москве имеется лишь одно «место» на 20 тысяч жителей. А ведь это население целого городка! Нехватка катастрофическая, острейшая, километры расстояний нужно пройти, чтобы добраться до ближайшей «точки». Но это еще не вся правда. Дело в том, что подобные заведения очень часто закрыты. Я как-то обнаружил на туалете в центре табличку, выполненную весьма капитально, отнюдь не наспех: «Туалет закрыт на ремонт». Выпуск таких стационарных указателей поставлен на поток, осуществляется промышленным способом — металл, эмаль, внушительный вид... Значит, отражает потребность. В чем? Закрыть надолго те немногие места, где можно отвести душу?.. Значит, уже не 20 тысяч, а значительно больше приходится москвичей и приезжих на наши отнюдь не элементарные удобства.

Как часто в центре города я вижу такую картину: группа приезжих школьников во главе с учительницей лихорадочно мечется, куда-то рвется, преисполненная решимости. Переспрашивают у прохожих: «Где туалет?» Бедные дети, они не привыкли «зажимать себя в кулак», они потратят на поиски и очередь час или два, потом снова походят по Москве — и опять танталовы муки, беготня, на которую уйдут каникулы в столице. Воспоминания увезут домой...

Я никогда не хотел родиться женщиной, ведь в нашем обществе ей во всем хуже. Во всем, но в этом — особенно. Как, должно быть, унизительно стояние в бесконечной очереди, под ироничными взглядами

прохожих-мужчин, ведь тут никак не скроешь цель ожидания, не сделаешь вид «а мне все равно». Если хотите, голыми они стоят, голыми — на глазах у всех! Конечно, по нормам цивилизованного общества ничего «такого» тут нет, процесс столь же естественный, как поесть или напиться, не зря же в любой другой стране эти места оборудованы не хуже, с не меньшим вниманием, чем места для приема, скажем, пищи. Но ведь мы и в этом отстали, соотносим эту функцию организма с мерзопакостью, непристойностью, и потому, может быть, так отгородили уборные от сферы культуры, загнали в глубокое подполье, превратили в подобие сточных ям, в предпоследний круг ада. И потому так уязвленно чувствует себя человек, стоящий в его преддверии... В глазах окружающих он уже обгажен, выведен за круг нормального бытия. Но что ему еще делать, как не стоять в этой позорнейшей из очередей? Ко всему привыкшие москвичи хоть умеют ловчить, проникая в запретные для толпы туалеты — в ресторане, кинотеатре, клубе, учреждении, прорываясь сквозь рычание швейцаров и нюхом определяя заветное место, а вот бедным приезжим и того не дано... Москва их слезам не верит.

Подумать только, станции метро похожи у нас на дворцы: обложены мрамором, украшены искусством — все там есть. Кроме заботы о самой обыкновенной нужде! Сотни тысяч бывают в метро ежедневно, но «уровень человечности», забота о культуре там — нулевая. Согласно той формуле, которой открываются эти заметки.

Ну а уж как выглядят внутри наши общественные уборные, писать воздержусь. Не потому, что слов гневных не найду. Но нужны ли вообще слова? Каждому читателю картина слишком знакома.

Не раз и не два предлагал я столичным редакциям написать об этом нашем безобразии. Редакторы смущались либо шарахались. Тема была табу. Как во времена французского писателя; ничего не менялось, заглядывать так «низко» было нельзя.

А в прошлом году началось общее наступление. Редакция «Недели» сама заказала мне выступление на эту тему; пока материал проходил через положенные инстанции, «Огонек» опубликовал письмо читательницы, назвавшей состояние наших туалетов «национальным позором». Очень точное слово! А уж когда мой очерк «Терпеть силы нет!» увидел свет, посыпались письма...

Некоторые — чисто деловые. Я упоминал о том, что за границей давно разработана удобная система растворения всех «ненужных остатков» жизнедеятельности человека химическим составом, который превращает их в сухой порошок. Автономный туалет в любом доме, куда не доходит городская канализация, легко очищается время от времени, нет проблем... «Где достать такое средство?» — это спрашивали меня в основном садоводы-любители. О, не знаю, у нас, наверное, нигде... Но большинство писем было эмоционального свойства. «Пора, пора бить в набат!» — таков был их лейтмотив.

«Уверен, иные болезни у людей, особенно у ребят,— не без «помощи» омерзительно грязных туалетов,— пишет москвич П. Г. Баранов.— Зайдите на любой вокзал, загляните в туалет — и вы уйдете с чувством унижения и стыда. А на автобусных станциях по любому маршруту движения? Безобразие в высшей степени! Культура... Говорим о ней, но ведь именно с туалетов начинается культура! Строят столовые и кафе, дворцы с шикарными холлами, часто — с излишествами, а туалеты втискивают в метровые клетушки. Или взять парки культуры. Жутко смотреть в них на очереди в уборную... Молчим? При-

выкли? И низы и верха, зажимающие средства на такое важное дело».

Из г. Шахты прислал письмо К. Е. Рожков, человек ироничный и острый на язык: «Не любим мы материальную культуру, даже свое тело не любим, и потому едим невкусный хлеб, потому так мало у нас бань, и они плохие, и это мало кого беспокоит. В известной песенке поется: «Ах, вернисаж! Ах, вернисаж! Какой портрет, какой пейзаж!» На этот вернисаж мы идем немытые, небритые, в нечищеных ботинках, зато... воспаряемся в небеса, забываем обо всем на свете перед картиной художника. А уж скрипка, фагот и флейта погружают нас в нирвану... Мы совершенно не понимаем, что наше самочувствие, работоспособность зависят не только от того, как мы поели, но и как освободились от своих шлаков. Мы совершенно игнорируем физиологию, видим в ней нечто низменное, уходим в схоластику... Парапсихология, философия, йоги... А где туалеты? В учреждениях, библиотеках, магазинах, столовых они... засекречены. Только для сотрудников! И самое странное и подлое — то же в поликлиниках. Что, и медицина витает в облаках фрейдизма? При царе Горохе в каждом дворе была уборная общего пользования, любой мог зайти. Величие духа? Но ведь дух творит наше тело... Меньше фантазий, больше уборных!»

Но от этих обобщений спустимся к реалиям. Житель Горьковской области Ф. И. Кротков был потрясен увиденным на московских вокзалах. На Ярославском, Курском, Казанском — часовые очереди перед женскими туалетами, «и никому нет дела до этого. Вот бы товарищей, прямо отвечающих за санузлы в общественных местах, подержать «при нужде» в такой очереди, а потом пусть воспользуются этими туалетами — с газетной бумагой или вообще без оной. А по Москве нам, пожилым, опасно ходить. Прошел весь Калининский проспект — ни одного указателя, но ведь спрашивать всех неудобно...» Читатель интересуется, как отреагировали «дяди» из Моссовета и Академии коммунального хозяйства на прозвучавшую критику в их адрес. Отвечаю: никак! А с другой стороны: ну что им ответить? Да я и не надеялся, что они, прочитав мою статью, сразу подадут в отставку...

У москвички Н. Я. Гальпер претензии и к архитекторам: «Что, разве не видят они диких очередей на вокзалах, в театрах, в магазинах — не за дефицитом, нет, а в женский туалет?.. Или нормы у них устаревшие, предполагающие, что люди в общественных учреждениях не должны заходить в туалет? Всю жизнь мучаюсь, особенно в свои последние, пенсионерские годы. А вот недавно побывала в Париже: никаких мучений! На всех улицах в пределах видимости изящная рифленая будка. Кинешь франк, двери откроются, чисто, играет музыка, есть и вода, и туалетная бумага, а во всех общественных местах, в любом кафе уборные бесплатные, везде красиво выполненные указатели, вроде мальчика с опущенными штанишками. Может, надо командировать тех, от кого зависит решение проблемы, в Париж, позаимствовать опыт?» О, в Париж-то они и так ездят. Но... с другими целями.

М. А. Петрова живет хотя и не в Москве, а в Риге, но вопросы поднимает вполне актуальные для жителей нашего города. «Мне 37 лет,— сообщает она,— и по виду заболевания мне довольно часто приходится искать туалет, особенно если понервничаю. И по этой причине не решаюсь выезжать никуда, ни в один из городов нашей страны, чтобы не попасть в положение более чем неприятное. Кстати, почему «туалетный вопрос» наша печать всегда обходила молчанием, разве человек может обходиться без этого, разве потребность в них не так же естественна, как в воздухе? От души рада переменам, раз уж мы и об этом

Красный натюрморт. 1987

Натюрморт с котом и зеркалом. 1983

Окно на кухне. *1985*

Двое. *1984*

заговорили. В самом деле, градоначальникам невдомек, что испытывают граждане...»

«В большинство туалетов при автовокзалах, рынках, столовых и в вагонах поездов страшновато без противогаза заходить,— возмущается москвич Л. Рябов.— Даже когда имеется вентиляция, она не работает, видимо, экономят электроэнергию. Туалет либо залит водой, либо ее там вообще нет... А по бескультурью в данном вопросе можно судить о нашей с вами культуре».

Вот и этот читатель опять-таки разделяет мое мнение... Да, соглашается он, во дворцах спорта, театрах, в самолетах туалеты бывают и чистыми, и с вентиляцией, и с бумагой. В чем секрет? «А потому, что ими иногда приходится пользоваться директорам предприятий, учреждений, аппаратчикам горкомов и горсоветов, министерств и ведомств». Трезвое наблюдение!

И отдельная пачка писем — от москвичей, которым приходится часто ездить на электричках дальних направлений, во Владимир, Калинин, Рязань, многие другие города, куда добраться легче всего именно так, электропоездом. Да и от жителей этих мест, тесно связанных со столицей; поездка продолжительностью в два, а то и три-четыре часа для них повседневность. И все они преисполнены настоящей ярости: ведь поезда эти не оборудованы туалетами, поступай как хочешь, как знаешь, хоть в петлю... От натуралистических подробностей я воздержусь опять-таки, но читал эти письма я с болью и содроганием. Это же в самом деле неслыханный цинизм и издевательство, надругательство над людьми! Не скоты же мы... Но железнодорожному ведомству, очевидно, наплевать, разницы оно не видит.

Конечно, кое-какие сдвиги есть, появилось в столице несколько (очень мало пока!) платных туалетов, обслуживаемых кооперативами. Дело хорошее, жаль, что не Москва выступила в нем инициатором, а другие города, но не по первенству будем судить, а по качеству и количеству сервиса в этой новой службе быта. Радует то, что теперь можно — попутно — почистить щеткой обувь и привести себя в порядок... Особенно это важно женщинам. Ведь от того, в каком она виде придет, скажем, на свидание, может, по ее убеждению, зависеть, «будет» или «не будет». А вдруг именно сегодня произнесут заветные слова?! А тут — ливень, вся вымокла, косметика потекла, волосы, прическа — все пропало... В Таллине, кстати, можно не только высохнуть, погладить в платном туалете на Ратушной площади все свои вещи, восстановить прическу и грим (все нужное тут же продается), но и позаботиться о вовсе деликатной стороне жизни, той, до которой нам, мужчинам, нет никакого дела. Но и у нас есть свои заботы: например, забыл побриться, почему бы не воспользоваться взятой напрокат электробритвой... Да и брюки после дождя прогладить. Все это крайне нужно!

Думаю, постепенно изменится и наша психология, и манеры, порой определяемые числом и качеством уборных. Например, привычка стремительно спасаться от их «газовой атаки», ни руки помыть, ни волосы причесать не возникает даже желания: скорее — на воздух!!!

Вспомнил старый анекдот. Говорят, нашего разведчика послали в Лондон, и о том проведали в Скотланд-Ярде. Вызвали Шерлока Холмса: «Поймаете?» «Конечно,— сказал он,— но для этого мне потребуется столько-то детективов, ровно на день». Дали. К концу дня Холмс приводит незадачливого разведчика. Как удалось найти?! «Очень просто, детективов я взял по числу общественных туалетов в городе, расставил там по одному и дал задание: как только увидите человека, застегивающего брюки на ходу — хватайте!..»

Но юмор юмором, а одно письмо, пришедшее из Владивостока, не дает мне покоя. Его автор побывал в столице вместе с женой и тремя дочерьми. Решили они посетить Мавзолей В. И. Ленина и уже в половине пятого утра очутились в Александровском саду (ведь известно, рассказывает мой адресат, что если придешь в шесть — уже никуда не попадешь).

Но туалеты открываются только в семь, в этот день они почему-то отворили двери и того позже, с опозданием в четверть часа. А где-то уже к шести... Предоставлю слово автору:

«Люди не выдержали — и взяли один туалет на абордаж. Лезли буквально через запертую калитку, причем все — дети, мужчины, женщины — в один, без разбора пола. Стыдно было перед своими и чужими детьми. Стыдно за тех «дядей» из Академии коммунального хозяйства и Мосгорисполкома... Какие воспоминания о Москве увезли другие люди, не знаю, но этот-то эпизод они точно не забудут... Разве не знают эти «дяди», что люди ночуют в Александровском саду, чтобы попасть к вождю революции? Ведь для многих такой шанс — один раз за всю жизнь. Интересно, кто дал команду закрывать туалеты на ночь, а столовые открывать только в 11 часов? Куда как просто сделать дежурные пищевые «точки», где можно было бы купить стакан горячего чая или кофе, булочку... Зато уже в пять утра предприимчивые люди, подвизающиеся на ниве индивидуальной трудовой, бойко торговали схемами магазинов Москвы, самодельными сувенирами, открытками и проч. Ну а в Мавзолей мы, конечно, попали, несмотря на всё, однако осадок остался нехороший. А ведь я помню то время, конец 40-х — начало 50-х, когда в Москве были платные туалеты, в которые не стыдно было зайти, там стояли цветы, можно было за плату приобрести мыло, полотенце, салфетки... Как же мы вернулись в каменный век — и когда в Москве будет наведен порядок?»

В самом деле, когда? Первые благоустроенные — платные! — уборные уже есть, но разве их хватает? А нужно, чтоб как в Париже: от одного туалета виден был бы другой, и указатели, и все остальные атрибуты цивилизации.

А то — читаем умные книжки, рассуждаем об НТР, о компьютерах и о роботах, станки опять же с программным управлением в широком масштабе думаем осилить... На вернисажи, как справедливо заметил читатель, ходим... А ноги по щиколотку в этом самом... говорят, нельзя произносить бранные слова даже в эпоху гласности... Ну, в общем, ясно и так, в чем у тебя ноги, когда ты выходишь из вокзального туалета. Теперь — в самый раз двинуть в Большой, чтобы понюхал мир, каков он, наш замечательный «русский дух», чтоб ему неладно. Спеси бы и самомнения — поменьше, культуры — побольше! Ведь она, эта самая культура, начинается... смотри начало статьи.

Овидий ГОРЧАКОВ

НАКАНУНЕ, или ТРАГЕДИЯ КАССАНДРЫ

Повесть в документах

Из справки заместителя наркома иностранных дел А. Я. Вышинского:

«19 мая. Советский военно-морской атташе в Берлине адмирал М. А. Воронцов получил от «Вальтера», офицера ставки Гитлера, сообщение, что Германия готовится напасть на СССР через Финляндию и Балтийские республики. На Москву и Ленинград будут совершены воздушные налеты...

20 мая. Посол СССР в Стокгольме Коллонтай передает, что концентрация германских войск на советских границах является самой мощной в истории.

22 мая. Заместитель военного атташе в Берлине Хлопов передает, что нападение немцев на СССР назначено на 15 июня, но может состояться и в начале июня.

23 мая. Наш военный атташе в Берлине генерал Тупиков начал присылать ежедневные сводки о военных приготовлениях Германии. Однако Деканозов предупредил, что военные сильно преувеличивают угрозу».

Из справки РУ ГШКА:

«22 мая. «Рамзай» прислал карту с дислокацией советских войск, принадлежавшую военному атташе Германии в Токио Кретчмеру. Стрелы на карте указывают направление ударов вермахта. Согласно «Рамзаю», Гитлер намерен захватить Украину и использовать один-два миллиона русских пленных на тяжелых работах. В нападении на СССР примут участие от 170 до 190 дивизий. Война начнется без объявления войны или ультиматума. Немцы ожидают, что Красная Армия и советский режим рухнут в течение двух месяцев...»

Окончание. Начало см. «Горизонт» № 6.

Из донесений секретного сотрудника «Ястреба»:

«22 мая 1941 года. Только сегодня удалось мне продолжить подробный разговор с фон Б. о советско-германских отношениях с 22 августа 1939 года.

Фон Б., с которым я вновь провел вечер в «Арагви», начал с того, что выразил удивление по поводу существующего до сих пор недоверия в «русском народе» к третьему рейху. «Казалось бы,— заявил он,— что последние события вполне доказали лояльность Берлина. Да, красные флаги в Риге, Каунасе и Таллине пришлись, что греха таить, не по нраву многим немцам, но они утешились флагом со свастикой над Эйфелевой башней».

Фон Б. сказал, что Берлин был просто растроган благородной лояльностью Сталина, проявленной им в инциденте с письмом Черчилля. В конце июня прошлого года Черчилль прислал Сталину письмо, предупреждая его против германской экспансии. Сталин не только не ответил на это письмо, но передал его содержание через Молотова Гитлеру. Британскому послу Ричарду Стаффорду Криппсу Сталин вскоре заявил, что он отнюдь не считает, что «германские военные успехи угрожают Советскому Союзу и его дружественным отношениям с Германией...»

«Только на основе такого полного доверия,— сказал фон Б.,— и можно строить наши отношения...»

Я спросил его о дальнейших военных планах Гитлера, поинтересовался, почему немцы медлят с вторжением на Британские острова. Фон Б. ответил, что «фюрер ждал, что Черчилль запросит мира после разгрома под Дюнкерком, а теперь Германии необходимо гораздо больше самолетов и кораблей для вторжения». Он не отрицал переброску десятков германских дивизий на восток. «Мне говорил сам генерал Эрнст Кестринг, наш военный атташе в Москве, что переброска наших войск на Восток — это крупнейшая операция для маскировки высадки в Англию!»

Фон Б. подробно говорил об участии Сталина в проводах японского министра иностранных дел Мацуоки после подписания пакта о ненападении между СССР и Японией 13 апреля 1941 года. Впервые Сталин приехал на вокзал, чтобы проводить министра иностранной державы. Сталин обнял Мацуоку и воскликнул: «Ведь мы тоже азиаты, а азиаты привыкли держаться вместе!» Сталин был весел и доволен и расхаживал под руку с японцем по перрону. Потом он на глазах у потрясенного фон Б. подошел к германскому военному атташе полковнику Гансу фон Кребсу, тоже обнял его за шею и сказал: «Мы с вами тоже останемся друзьями, не правда ли?..» Сталин обнял и германского посла графа фон дер Шуленбурга со словами: «Мы должны остаться друзьями, и вы теперь должны все сделать ради этого!»

«Не могу не сказать, что наш посланник Вернер фон Типпельскирх и все мы высоко ценим уступчивость вашего правительства в деле окончательного урегулирования пограничных вопросов. Да и поставки сырья, после временных задержек в начале этого года, вы производите с образцовой пунктуальностью!»

«Однако вы,— заметил я,— задерживаете поставки машинного оборудования!»

Фон Б. ответил, что знает, что Германия уже задолжала нам почти 400 миллионов рублей. Он выразил уверенность, что Германия сможет покрыть этот пассив до конца нынешнего — 1941 года.

«Просто наши фирмы,— объяснил фон Б.,— дезориентированы вражеской пропагандой и безответственными сплетнями об агрессии Германии против Советской России. Все уладится, к концу июня все уладится!»

«А вы, разумеется, не верите,— спросил я,— вражеским выдумкам, будто Красная Армия сосредоточивается вдоль западной границы!»

«Разумеется, нет! — сказал, смеясь, фон Б.— Если бы Сталин хотел напасть на нас, он сделал бы это год назад, когда наши руки были связаны французами. Тогда вы бы за пару недель смяли наши пять дивизий в Польше и вошли в Берлин. Зачем же вам теперь нападать на нас, когда мы поставили мат Франции и объявили шах английскому королю?! Когда у нас вся армия ждет новых приказов фюрера! Нет, Сталин правильно сделал, лично сменив Молотова на посту главы правительства — тоном Молотова нельзя разговаривать с фюрером!.. Гитлер же хочет мира и дружбы с Россией — скажу вам по секрету, что наш посол, горячий сторонник бисмарковской политики союза с Россией, еще в начале мая просил Берлин принять самые серьезные меры против слухов о готовящемся нападении Германии на СССР!»

«И что же Берлин?» — спросил я.

«Берлин,— он нагнулся ко мне.— Опровергая эти слухи, Берлин официально ответил нам, что он перевел восемь дивизий с востока на запад!»

Около полуночи я повез фон Б. к женщинам...»

Из донесений секретного сотрудника «Эрнста»:

«19 мая. Источнику стало известно, что на днях, во время приезда посла СССР в Берлине Деканозова, посол вместе с переводчиком В. Н. Павловым посетил посла Германии в СССР графа фон дер Шуленбурга и его ближайшего друга Густава Хильгера, сына обрусевшего немца коммерсанта, а также секретаря посольства Гебхардта фон Вальтера. Состоялась совершенно секретная беседа, во время которой фон дер Шуленбург попытался предупредить (!) Деканозова о намерении его фюрера развязать войну против СССР! Деканозов доложил об этом

разговоре тов. Л. П. Берии. Тов. Берия разъяснил, что немцы пытаются прибегнуть к шантажу против СССР. Фон дер Шуленбургу Деканозов заявил, что он не уполномочен выслушивать подобные заявления от германского посла и что только Молотов может выслушать его».

Из справки НКИД СССР:

«28 мая. На днях на Унтер-ден-Линден в витрине фотостудии личного фотографа Гитлера Гофмана, который всегда выставляет карты военных действий с победами вермахта, выставили карту Восточной Европы».

Из донесений секретного сотрудника «Джека»:

«1 июня 1941 года. Сегодня помогал американскому послу Штейнгардту паковать его чемоданы. Вещи первой необходимости посол уложил в первый, ближайший к двери чемодан, вещи второй необходимости — во второй чемодан и так далее. Первый чемодан он подхватит, если на эвакуацию будет дано пятнадцать минут, первый и второй — если на эвакуацию дадут полчаса, и так далее...»

Из сообщения военно-морского атташе в Берлине:

«1 июня. Германия нападет на Советский Союз 20—22 июня».

Из справки РУ ГШКА:

«1 июня. Получена радиограмма «Рамзая» о стратегических, оперативных и тактических планах германского командования. Особо подчеркивается роль окружения частей и соединений и уничтожение окруженных войск...»

Из донесений секретного сотрудника «Эрнста»:

«2 июня 1941 года. В личной беседе военный атташе Германии полковник Ганс фон Кребс заявил, что Сталин, судя по совещанию его и членов Политбюро с советскими генералами 13 января сего года, не считает возможным, что Германия и СССР могут в скором времени начать войну друг против друга, несмотря на то, что НКГБ еще в июле прошлого года стало известно, что главное командование вермахта попросило министерство транспорта рейха представить подробную справку о пропускной способности идущих на восток линий рейхсбанна. Сталин не согласен с маршалом Василевским, который убежден после встречи Молотова и Гитлера в ноябре 1940 года в Берлине, что Гитлер нападет на СССР. Сталин поистине мудрый вождь. Он понимает весь вред немцеедства среди своих генералов. Он справедливо карает всех, кто посмеет сказать слово против советско-германского пакта. Кребсу известно, что советский военный атташе в Берлине получил на рождество анонимку, уверявшую, что Германия готовится весной напасть на Россию. Известно также, что 30 января Ворошилов получил сообщение о прозрачных намеках военного атташе Японии Ямагучи, вернувшегося из поездки в Берлин, о возможном военном конфликте между Берлином и Москвой. Но Ворошилов также не поверил этому и не придал значения сведениям о появлении сильных контингентов германских войск в Болгарии и Финляндии. Враги мира между СССР и Германией сильны и коварны. Так, 15 февраля они подослали рабочего одной берлинской типографии в советское консульство в Берлине с якобы отпечатанным по заказу вермахта немецко-русским разговорником с такими словами и фразами, как «руки вверх» и «сдавайся».

Полковник фон Кребс знает и о выговоре, данном адмиралу Кузнецову Сталиным в присутствии тов. Л. П. Берии в Кремле за самовольный приказ по Балтийскому флоту обстреливать немецкие самолеты, нарушающие воздушное пространство СССР. После этого, когда немецкий самолет-разведчик совершил вынужденную посадку у военно-морской базы в Либаве, его накормили отменным обедом, снабдили горючим и сердечно проводили обратно в Германию.

3 июня. Военный атташе Германии в Москве генерал фон Кребс заявил послу графу фон дер Шуленбургу, что весьма доволен полученным им сообщением о том, что Маленков, поддержанный Сталиным, сегодня на Военном совете выступил против предложенного на совете призыва к бдительности, заявив, что благодаря гениальному руководству Сталина война ни сегодня, ни завтра Советскому Союзу не угрожает. «Той же точки зрения,— заявил Кребс,— придерживаются и самые влиятельные помощники Сталина — Берия, Жданов, Ворошилов, Молотов. Жданов мудро подчеркивал не раз, что Германия не может и не станет воевать на двух фронтах».

Из донесений секретного сотрудника «Вальтера»:

«6 июня. Германские войска, сконцентрированные против СССР, насчитывают 4 миллиона солдат и офицеров».

Из донесений секретного сотрудника «Кармен»:

«6 июня 1941 года. В посольстве США открыто говорят о том, что Корделл Хэлл, государственный секретарь США, прислал послу для передачи Молотову донесения американских посланников в Бухаресте и Стокгольме, в которых утверждается, что Германия нападет на СССР через две недели...»

«8 июня 1941 года. Американская журналистка, корреспондентка журнала «Кольерс» Алиса Леон-Моутс сегодня рассказывала в моем присутствии о своем посещении посла Германии графа фон дер Шуленбурга на его подмосковной даче, куда ее отвезли утром Вальтер и некий Браун, который, по словам А. Л.-М., на несколько дней приехал из Берлина.

А. Л.-М. уверяет, что фон Вальтер сказал ей, что Германия начнет войну против СССР 17 июня. Она сама спрашивает: «Не старый ли это немецкий фокус — чтобы запугать врага, говори ему правду».

Из донесений секретного сотрудника «Эрнста»:

«11 июня. Позавчера германское посольство получило указание из Берлина: быть готовым к эвакуации через семь дней. В подвале начали жечь документы».

Из донесений секретного сотрудника «Вертера»:

«16 июня. Войскам группы армий «Норд» в Восточной Пруссии приказано Оберкомандо дер Вермахт занять исходные позиции для наступления на Советский Союз к 13 июня, но затем срок был перенесен на пять дней».

Из справки НКИД СССР:

«10 июня. Майский прислал срочную шифрограмму из Лондона. Лорд Кадоган из министерства иностранных дел продиктовал ему список германских войск у советской границы с обозначением частей».

Телефонограмма А. Поскребышева:

«13 июня. Сегодня И. В. Сталина в Кремле посетил адмирал Кузнецов. В докладе он упомянул, представив даже статистические данные, о выводе всех немецких кораблей из советских портов и просил разрешения вывести все советские корабли из немецких. «Хозяин» выпроводил его вон. Неужели адмирал не читал сегодняшнее сообщение ТАСС, опровергающее провокационные слухи о нападении Германии на Советский Союз? Всюду — провокации. Все наши враги и ложные друзья пытаются стравить нас с Гитлером в своих интересах...»

Из донесений резидента «Рамзая»:

«13 июня. Повторяю: девять армий в составе 150 дивизий начнут наступление на широком фронте на рассвете 22 июня 1941 года».

Из донесений секретного сотрудника «Гладиатора»:

«12 июня. Посол Россо и другие работники итальянского посольства открыто говорят о скором нападении Германии на СССР, но, судя по всему, сами они толком ничего не знают и очень обижаются на скрытных немцев. Россо сильно беспокоится из-за своей жены, которая, посетив США, а затем Японию, собирается вернуться в Москву по железной дороге Владивосток — Москва. Он хочет, чтобы она пережидала, пока выяснится обстановка, в Харбине или осталась в Токио...»

Из донесений секретного сотрудника «Эрнста»:

«14 июня 1941 года. Сегодня все в германском посольстве комментируют сообщение ТАСС. Особенное внимание уделяется строкам: «По данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы...»

Вчера вечером Молотов вызвал фон дер Шуленбурга и вручил ему текст этого сообщения. Граф фон дер Шуленбург многим говорил о мудрости и своевременности этого сообщения».

Из донесений секретного сотрудника «Алмаза»:

«17 июня 1941 года. Чолертон в большом волнении. От прежнего его скептического отношения к перспективе скорой войны между Германией и СССР не осталось и следа. Он не понимает, как Кэсседи, начальник бюро Ассошиэйтед Пресс, мог 14 июня уехать в Сочи. Но утром он узнал, что дочь сэра Ричарда Стаффорда Криппса, который уехал в Лондон в конце мая, потому что Молотов перестал принимать его, срочно пакует чемоданы. В английском посольстве объявлено, что все женщины посольства должны быть готовы выехать в Персию 22 июня...

Сообщение ТАСС от 14 июня он называет опровержением осужденного с петлей на шее, доказывающего, что палач — его друг и благодетель. Возмущается отказом Майского выслушать предложения Антони Идена об английской помощи России...»

Из радиограммы посольства СССР в Великобритании:

«18 июня 1941 года. Криппс глубоко убежден в настоящий момент в неизбежности вооруженного конфликта между Германией и СССР,

который начнется не позднее середины июня. Согласно Криппсу, немцы сосредоточили сейчас 147 дивизий (включая военно-воздушные и подсобные части) вдоль границы СССР...»

Из донесений секретного сотрудника «Кармен»:

«19 июня 1941 года. Алиса Леон-Моутс рассказывает всем в американском посольстве, будто фон Вальтер, второй секретарь германского посольства, встретив ее во время визита в американское посольство, сказал ей буквально следующее: «Я сожалею, что дезинформировал вас, указав 17 июня в качестве даты вторжения. Нападение состоится 21 июня».

Вечером, час назад, посол Штейнгардт объявил о том, что все женщины американской колонии в Москве должны быть готовы к эвакуации в ближайшие дни... А. Л.-М. убеждена, что фон Вальтер предупредил американцев о нападении Германии на СССР. Она сказала, многозначительно глядя на меня: «Все уже устали предупреждать русских!..»

Из донесений секретного сотрудника «Гладиатора»:

«20 июня 1941 года. Посол Италии Россо утром простился со всем обслуживающим персоналом и, страшно волнуясь, сказал, что сегодня же возвращается на родину...»

Из донесений секретного сотрудника «Верного»:

«20 июня 1941 года. После обеда посол Штейнгардт ездил по всем дорогам, ведущим из Тарасовки на восток, чтобы определить, по какой из них ехать в случае эвакуации. Он так долго носился взад-вперед, что в конце концов машина была остановлена местными жителями-колхозниками, заподозрившими в после шпиона. Выручили посла ездившие за ним работники наружного наблюдения, которые, предъявив свои документы, приказали колхозникам разойтись...

В случае, если все дороги будут забиты бегущими из Москвы жителями, посол намерен эвакуироваться по воде. Для этого он приказал срочно отремонтировать снятую им на Клязьме весельную лодку...»

Из агентурных донесений секретного сотрудника «Ястреба»:

«20 июня. Все в посольстве крайне удивлены сообщением ТАСС от 13 июня, в котором резко опровергаются «абсурдные слухи» о

надвигающейся войне между Германией и СССР, распространяемые сэром Ричардом Стаффордом Криппсом и другими поджигателями войны. Еще больше удивляются отъезду 19 июня в отпуск в Сочи А. А. Жданова, секретаря ЦК ВКП(б), которого дипкорпус считает «правой рукой» Сталина и его вероятным преемником. В последние дни дипкорпусу стало известно — по-видимому из немецких источников,— что по указанию Л. П. Берии генерал Л. З. Мехлис, начальник Главного политуправления РККА, разослал в войска своих представителей, официально заявляющих, что никакой войны с Германией не будет, что надо бороться с провокационными слухами жесткими методами вплоть до самых суровых репрессий».

Из агентурных донесений секретного сотрудника «Нана»:

«Отвечаю на вопрос, какие ходят в дипкорпусе анекдоты.

Как могут русские выиграть войну, спрашивается, если Гитлер и Муссолини сумели обеспечить движение поездов строго по расписанию, а Сталину и Кагановичу это никак не удается!

Почему русские мужики и бабы ходят с голыми задами? Потому, что весь холст уходит на портреты Сталина и его лозунги!

Русским всюду мерещатся враги народа. Читали ли вы Павлова? Русские разбираются в собаках гораздо лучше, чем в людях.

Что такое загадочная русская душа? Посмотрите на девятиголовую гидру собора Василия Блаженного.

О себе дипломаты в Москве говорят: мы отличаемся друг от друга не по степени своего знания России, а по степени нашего невежества...

Советник британского посольства сказал мне, что недавно его попросил из Парижа белоэмигрант князь Горчаков присмотреть за его бывшим особняком на Софийской набережной, где сейчас находится британское посольство. Горчаков женился на дочери миллионера-сахарозаводчика Харитонова, который построил этот особняк. Не анекдот ли, что князь Горчаков надеется вновь занять этот особняк напротив Кремля и вести сладкую жизнь в Москве!..»

Из донесений секретного сотрудника «Эрнста»:

«20 июня 1941 года. Сегодня удалось установить, что уже несколько суток под руководством фон Вальтера днем и ночью сжигаются кипы документов...»

Из донесений секретного сотрудника «Кармен»:

«20 июня 1941 года. Поскольку все американки были заняты упаковкой вещей, госпожа Штейнгардт взяла меня с собой.

Она сдала в комиссионный несколько поношенных костюмов своего мужа-посла.... Она сказала, что завтра все американки вылетят из СССР...

Жена посла полетит в Стокгольм, остальные в Тегеран...

Я не понимаю, что происходит. Судя по всему, Германия в самом деле вот-вот нападет на нас! Но почему-то никто никак не реагирует на все мои сигналы. Что происходит?! Прошу довести мои сообщения до высшей власти!.. Прошу и требую этого как чекист, как советский человек, которому дорога судьба его Родины!..

В посольстве все говорят о войне. Все убеждены, что Германия очень скоро разгромит Россию. Называют разные сроки — от шести недель до трех месяцев...

Посол Штейнгардт утром сообщил своим ближайшим помощникам — в том числе и Т.— о важном обмене радиограммами между Черчиллем и Рузвельтом. По словам Т., 15 июня Черчилль обратился к Рузвельту с посланием, в котором сообщал, что, судя по всем источникам информации, Германия готовит «великое наступление» на Россию. Черчилль заявил, что он окажет России всевозможную поддержку и посильную помощь до полной победы над Гитлером. Призывая к тому же Рузвельта, Черчилль подчеркнул, что не ожидает в связи с этим никаких «классово-политических осложнений» ни в Англии, ни в США.

Штейнгардт уведомил своих помощников, что государственный департамент США настроен против активной помощи России, но Рузвельт и Корделл Хэлл всецело согласны с позицией Черчилля. Штейнгардт добавил, что Черчилль уже с 20 июня пишет свою речь, в которой, выступая по радио, он объявит миру, что Англия готова приветствовать Россию в качестве союзника.

Отвечая на вопросы, посол заметил, что если бы Гитлер вторгся в ад, то Черчилль заключил бы союз против него с самим дьяволом...

Все посольство, составив группу из 19 человек, выезжает за город, в Тарасовку. Иностранные корреспонденты выписываются из гостиниц «Метрополь» и «Националь» и подыскивают себе жилье на окраине Москвы. Причина одна — все считают, что Гитлер разрушит с воздуха Кремль, а эти гостиницы и посольство на Моховой рядом с Кремлем... Иностранные корреспонденты считают, что всего безопаснее поселиться в хороших гостиницах подальше от центра города, так как такие гостиницы немцы постараются сберечь для себя. Однако таких гостиниц в Москве они не находят...»

Из донесений секретного сотрудника «Короткого»:

«20 июня. Н. сказал, что война, которая разразится через день-два, не будет внезапной. «Никогда ни одно государство в истории войн не знало, благодаря своей разведке, столько о планах врага и о его силах, сколько Россия. Почему же Сталин так мало делает, видя, как перетирается нить, на которой висит дамоклов меч?»

Из телефонограмм Ленинградского управления Балтийского торгового флота:

«20 июня. В ночь на 20 июня нами принята радиограмма, по-видимому, с советского грузового судна «Магнитогорск», задержанного по неизвестной причине германскими властями в порту Данциг. Радист Юрий Стасов сообщил открытым текстом, что корабль задержан, не может выйти в море. Далее следовало: «Не посылайте другие корабли... Юрий... Юрий... Немецкие порты задерживают советские корабли... Протестуйте... Юрий... Юрий...» На наши вопросы «Магнитогорск» не отвечает. Молчат и остальные пять судов, находящихся в немецких портах. Заместитель начальника политотдела управления Н. Павленко».

«21 июня. Беспокоит отсутствие инструкций из Москвы. Вынуждены были по согласованию с секретарем Ленинградского обкома ВКП(б) А. А. Кузнецовым приказать судну «Луначарскому» вернуться в порт Ленинград, а «Второй пятилетке» зайти в Рижский порт до получения Ваших инструкций. Последний немецкий корабль покинул наши порты 15 июня. На нем уплыл последний из немцев-специалистов, принимавших участие в работе над незаконченным германским крейсером, купленным Советским Союзом. Н. Павленко».

Из радиограммы посла СССР в Германии В. Г. Деканозова:

«21 июня. ...Перед обедом я заявил тов. И. Ф. Филиппову, корреспонденту ТАСС, и работникам посольства, что нет никаких причин для тревоги и паники, что мы не можем идти на поводу у наших врагов и должны уметь различать между правдой и пропагандой. Ни Риббентропа, ни его ближайших помощников нет в Берлине, где стоит великолепная летняя погода. Представитель НКВД И. Ахмедов получил донесение нашего агента о том, что якобы завтра, в воскресенье 22 июня, Германия нападет на СССР. Я сказал ему и его начальнику Б. Кобулову, чтобы они не обращали внимания на подобные «утки», и посоветовал нашим работникам выехать завтра на пикник».

Из радиограммы генерала Суслопарова, советского военного атташе в Виши (Франция):

«21 июня 1941 года. Как утверждает наш резидент Жильбер (Леопольд Треппер.— **О. Г.**), которому я, разумеется, нисколько не поверил, командование вермахта закончило переброску своих войск на советскую границу и завтра, 22 июня 1941 года, внезапно нападут на Советский Союз...»

Резолюция И. В. Сталина красными чернилами: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его».

Из докладной записки Л. П. Берии И. В. Сталину:

«21 июня 1941 года. ...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня «дезой» о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это «нападение» начнется завтра...

То же радировал и генерал-майор В. И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией... (подпольную организацию Шульце-Бойзена и Харнака.— **О. Г.**).

Начальник разведупра, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф. И. Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной границе...

Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!..»

Из телефонограмм НКИД СССР:

«21 июня. В 21.00 была принята и расшифрована телеграмма от посла СССР в Лондоне тов. И. М. Майского, который получил от посла Великобритании в Москве сэра Ричарда Стаффорда Криппса, находящегося сейчас в Лондоне, предупреждение, что Германия якобы завтра, 22 июня, нападет на Советский Союз».

«21 июня. Сегодня утром одним из последних покинул германское посольство военно-морской атташе капитан фон Баумбах, недавно приехавший из Ленинграда, где он руководил работами на крейсере «Лютцов». Посол готов к отъезду...»

Из донесений секретного сотрудника «Консула»:

«21 июня 1941 года. Супруга посла Румынии г-жа Попеско вылетает завтра в Берн через Берлин...»

Из донесений секретного сотрудника «Эрнста»:

«21 июня 1941 года. Сегодня в 9.30 посол фон дер Шуленбург был вызван к Молотову. Фон дер Шуленбург вернулся весьма довольный. Он сказал военному атташе Кребсу, что Молотов, указав на повторные нарушения германскими самолетами советского воздушного пространства, просил посла довести это до сведения Риббентропа, а затем сказал: «Целый ряд признаков указывает на то, что германское правительство недовольно Советским правительством. Ходят даже слухи о войне между Германией и Советским Союзом. Советское правительство не понимает причин недовольства Германии». Он просил разъяснить, что можно сделать для улучшения отношений с Германией. Фон дер Шуленбург обещал запросить Берлин.

Выслушав посла, полковник Кребс сказал задумчиво:

«Завтра — воскресенье, и Берлин будет пуст. Завтра — 22 июня, день, когда Наполеон начал вторжение в Россию...»

Сегодня же утром фон Вальтер отправил самолетом в Берлин свою собаку-боксера...

Вечером он подготовил всю радиоаппаратуру к выводу из строя. Шифровальный материал подготовлен к сожжению после получения последней радиограммы из Берлина завтра рано утром...»

На старой папке, где хранятся эти донесения, выцветшими фиолетовыми чернилами чьей-то рукой пронумерованы фонд, опись, дело. Когда открываешь папку, в глаза бросается резолюция, написанная с нажимом вечным пером: «В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников «Ястреба», «Кармен», «Алмаза», «Верного» за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих поссорить нас с Германией. Остальных строго предупредить». Подпись: «Л. Берия. 21 июня 1941 года».

Закроем эту старую папку с пожелтевшими за много лет машинописными страницами. Полустертые грифы «Совершенно секретно» и «Хранить вечно». «Дело начато...» «Дело окончено...»

Окончено ли!

Троя пала. Но Родина наша победила. Победила вопреки Берии и Сталину. Ценой более 20 миллионов жизней.

И не воспеты еще сотни и тысячи героев и мучеников нашей разведки.

Москва, 31 декабря 1956 г.

**Ивану Лубенникову — 36 лет.
На седьмом съезде Союза художников СССР
он был выбран в правление СХ
и стал самым молодым его секретарем.
В активе Лубенникова — участие в многочисленных
советских и зарубежных выставках,
премии, внимание зрителей и коллег.
С его живописью читатели «Горизонта»
познакомились на вкладках, а теперь — автокомментарий**

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ...

Как-то «Литературная газета» опубликовала интервью с Андреем Тарковским, взятое у него в Париже. Я никогда до тех пор не слышал и не читал ничего более точного, сказанного о жизни художника и свободе его творчества. Его мысли сводились к тому, что настоящий художник является рабом своего таланта и вдохновения.

Очень часто в литературе, кинематографе художник бывает представлен (по незнанию, разумеется) неким объектом всевозможных вредных влияний, средоточием капризов и прихотей, корысти и тщеславия. Наверное, подобные качества есть в каждом из нас. Но вообще профессиональное искусство — это прежде всего тяжелая, повседневная, поглощающая всю твою энергию работа.

Когда в нежном возрасте я только начинал рисовать и лепить, мне казалось, что безмятежное это занятие приносит одно наслаждение. Позже, заканчивая московскую среднюю художественную школу, будучи хорошо выдрессированным и академически обученным, я не питал уже радужных иллюзий. Напротив, перспектива представлялась мне банальной и непривлекательной. И тем не менее в 1970-м сдал вступительные экзамены в МГХИ имени В. И. Сурикова. Затем были два года борьбы с желанием бросить все и заняться другим делом, практики в Боровске и Керчи, романы и первая борода. Но вера, абсолютная вера в смысл своего дела не приходила.

Окончание на 3-й стороне обложки

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 6 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 3. «Анчар». 6. Берггольц. 9. Варлаам. 10. Грунт. 14. Девиз. 15. Емеля. 16. Жокей. 21. Змееголов. 22. Инари. 23. Йоала. 26. «Колос». 27. Львов. 28. Молотилка. 31. Норма. 32. Овсов. 33. «Перец». 36. Рибас. 37. Стеарин. 39. Тенденция. 40. Успех.
По вертикали: 1. Анаграмма. 2. Магот. 4. Жерло. 5. Пьеро. 7. Нахимов. 8. Янсон. 11. Переворот. 12. Гленн. 13. Летописец. 17. Умбон. 18. Колье. 19. Триод. 20. Флокс. 24. «Молва». 25. Говения. 29. Ямщик. 30. Ноттингем. 34. Манеж. 35. Калий. 38 Рдест.

Художником-монументалистом я стал случайно. Усталость от однообразного, среднестатистического образования толкнула меня на «роковой» шаг в моей жизни — я подал заявление в мастерскую монументальной живописи профессора К. А. Тутеволя. И не то чтобы сильно отличались постановки в этой мастерской или были очень высокими критерии качества, просто вдруг стало понятно, что искусство это сложно и интересно, это много возможностей и материалов, это каждый раз новая задача, а вовсе не очередная подгонка под средние образцы и слепое следование натуре.

После окончания института прошло уже двенадцать лет. И надо сказать, я благодарен той «роковой» случайности... Делал роспись конференц-зала на «Трехгорке», оформлял музей в Освенциме, Театр на Таганке, вокзалы в Звенигороде, Северодвинске, сейчас работаю в Музее В. В. Маяковского. Напряженные шестнадцатичасовые дни, мозоли, неприятности, все сторицей окупается ощущением причастности к искусству.

Меня часто спрашивают: чем для меня, монументалиста, является живопись? Дело в том, что монументалист, на мой взгляд, название неправильное. Я монументов не создаю. Я против монументов, потому что они не украшают нашу жизнь, не делают ее счастливее. Хороший памятник человеку — это его произведение. Хороший памятник общественному деятелю — это та жизнь, которой после него живет общество. А вовсе не бронзовый бюст на родине. Художнику надо вглядываться в человеческую жизнь. Существуют дом, двор, где люди встречаются, играют в домино, существует голубятня и масса всяких других вещей, на которые почему-то не принято обращать внимания. Языком живописи я могу рассказать о ценности обычных предметов, о человеческих отношениях, о повседневности...

Искусство для меня — это уже не только профессия. Хотя чрезвычайно высоко ценю профессионализм. Это — способ жизни. Как по Тарковскому...

ИВАН ЛУБЕННИКОВ

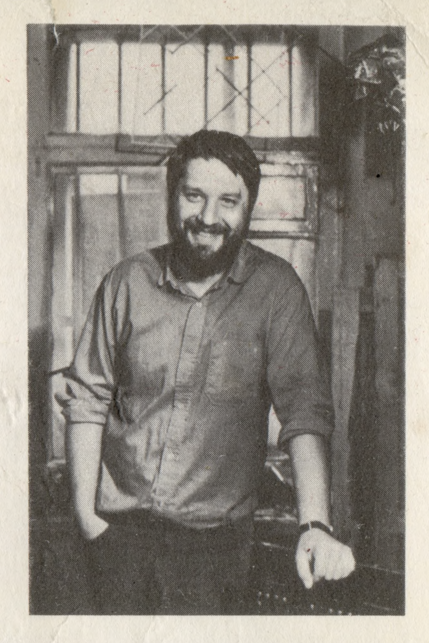

Фото Л. Мелихова

На 1-й стр. обложки: И. Лубенников. Улица. 1982